

ВЯТСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

№ 4.

1905 г.

февраля 16-го.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

На богомолье къ преподобному о. Серафиму.

(Путевыя замѣтки и воспоминанія о Саровѣ,
Дивѣевѣ и Понетаевѣ).

(Продолженіе).

Первыя четыре версты дорога изъ Сарова въ Дивѣево идетъ лѣсомъ. Вечеръ былъ чудный, и мы рѣшили слѣзть съ извозчика и пошли вмѣстѣ съ другими богомольцами пѣшкомъ. Идти было такъ легко и пріятно, что мы совсѣмъ незамѣтно прошли эти четыре версты. Дойдя до первой деревни Балыково, мы сѣли на своего извозчика и шажкомъ поплелись далѣе. Дорога показалось незамѣтной, такъ какъ движеніе богомольцевъ, пѣшихъ и на лошадахъ, впередъ и обратво, было почти непрерывное. Около 6 часовъ вечера мы завидѣли издали высокую колокольню Дивѣевскаго монастыря, а чрезъ полчаса были уже у воротъ св. обители. Мнѣ подсказали еще въ Саровѣ, гдѣ лучше пріютиться и

мы прямо направились въ трехъэтажную гостиницу подъ колокольней. На наше счастье только, что освободился номерокъ въ первомъ этажѣ, который мы и заняли.

По приѣздѣ въ Дивѣево мы прежде всего воспроизвели въ памяти въ высшей степени поучительную и интересную исторію этой знаменитой въ наши дни обители. Исторія эта, правда, не отличается глубокой древностью, но она очень богата своимъ внутреннимъ содержаніемъ и глубокимъ религіознымъ смысломъ. Она явно гласитъ намъ, что помимо всякихъ предположеній, соображеній и усилій человѣческихъ единственно содѣйствіемъ милости и благодати Божіей, изъ ничего и какъ бы чудодѣйственно возникла эта яркая теперь звѣзда русскаго благочестія, далеко, далеко вокругъ проливающая свои благотворные лучи.

Изъ исторіи основанія Серафимо-Дивѣевскаго монастыря извѣстно, что мѣсто для обители было избрано Самой Царицей Небесной. Когда великая первоначальница монастыря Агаѣя Семеновна Мельгунова (или матушка Александра) шла пѣшкомъ изъ Кіева въ Саровъ чрезъ Дивѣево и присѣла около Дивѣевской сельской церкви отдохнуть ей послѣдовало явленіе Божіей Матери, которая еще равьше въ Кіевѣ, въ вочномъ видѣніи, повелѣла ей идти на сѣверъ Россіи и остаться тамъ на указанномъ мѣстѣ. Снова явившись ей около Дивѣевской церкви, Царица Небесная, по преданію, сказала Агаѣѣ Семеновнѣ: „вотъ то самое мѣсто, которое Я повелѣла тебѣ искать на сѣверѣ Россіи. Живи и угождай здѣсь Господу Богу до конца дней твоихъ, и Я всегда буду съ тобой, и всегда буду посѣщать мѣсто это, и въ предѣлѣ твоего жительства я осную такую обитель мою, равной которой не было, нѣтъ и не будетъ никогда во всемъ свѣтѣ“. (Церк. Вѣд. 1904 г. № 29.)—Получивъ такое ясное повелѣніе Царицы Небесной и посоветовавшись съ опытыми въ духовной жизни Саровскими старцами, эта

Божья странница и поселилась въ Дивѣевѣ и положила начало знаменитой теперь Дивѣевской обители.—Еще до этого видѣнія, будучи въ Кіевѣ, она приняла, какъ думаютъ, тайный постригъ, съ именемъ Александры.

Поселясь въ Дивѣевѣ, тихая и смиренная мать Александра заставила себя забыть и свое происхожденіе, и воспитаніе, и всѣ привычки богатой барской жизни. (Она была дворянкой, женой полковника и владѣтельницей многихъ помѣстьевъ.). Смирняя себя, она занималась самыми простыми работами: ходила за скотиной, чистила хлѣвъ, стирала бѣлье, тайно жала хлѣбъ на полосахъ одинокихъ маломочныхъ крестьянъ, топила безъ нихъ въ ихъ избахъ печи, мѣсила хлѣбы, мыла дѣтей и т. п. Всю свою личность, всю свою жизнь она принесла въ жертву повелѣнію Царицы Небесной. Нельзя безъ умиленія читать о ея святой подвижнической жизни въ Дивѣевѣ. Чудное описаніе этой жизни сдѣлалъ недавно на страницахъ „Церковныхъ Вѣдомостей“ Е. Поселянинъ въ статьѣ: „Годъ тому назадъ“ (1904 г. №№ 29 и 30.).

Построивъ взамѣнъ Дивѣевскаго деревяннаго храма каменный, въ честь Казанской иконы Божіей Матери, Агаѣи Семеновна, незадолго до кончины своей, по совѣту Саровскихъ старцевъ Пахомія и Ильи, рѣшились положить въ Дивѣевѣ начало и женской общинѣ. На полдесятивѣ земли около церкви она построила три кельи, съ хозяйственными принадлежностями и пригласила къ себѣ нѣсколькихъ женщинъ и дѣвицъ, искавшихъ уединенія и молитвы. Все это пространство она обвела деревянною оградю. Въ одной изъ трехъ келій поселились сама и въ суровыхъ подвигахъ провела послѣдніе годы своей земной жизни.

Такъ было положено начало Дивѣевской обители, имя которой неразрывно связано какъ [съ Саровской обителью

вообще, такъ въ частности особенно съ о. Серафимомъ. Въ то время о. Серафиму не было еще и тридцати лѣтъ, онъ былъ въ санѣ іеродіакона. Но мать Александра относилась къ нему съ великимъ уваженіемъ, точно провидя, чѣмъ онъ будетъ для Дивѣва. Она прямо просила его позаботиться о сестрахъ Дивѣвскихъ, о чемъ самъ онъ впоследствии говорилъ: „какъ намъ оставить тѣхъ, о коихъ просила меня, убогаго Серафима, матушка Агаѣя Семеновна! Вѣдь она была великая жена святая“.—Основанная Агаѣей Семеновной община и стала мало-по-малу расти при самомъ ближайшемъ и дѣтальномъ участіи о. Серафима. Такъ какъ самъ онъ не бывалъ въ Дивѣвѣ, то отъ его имени управлялъ общиной его другъ и любимецъ „Мишенька“, или Михаилъ Васильевичъ Мавтуровъ, тотъ самый, котораго перваго чудесно исцѣлилъ о. Серафимъ отъ тяжелой и неизлѣчимой болѣзни ногъ въ своей „дальней пустынкѣ“. Какъ извѣстно, этотъ помѣщикъ, въ благодарность Господу Богу за свое чудесное исцѣленіе, по совѣту о. Серафима, продалъ всѣ свои земли, крѣпостныхъ людей отпустилъ на волю и принялъ самопроизвольную нищету. Вырученный отъ продажи земли капиталъ Михаилъ Васильевичъ употребилъ, по указанію того-же о. Серафима, на постройку храма въ Дивѣвѣ во имя Рождества Христова. Достоинно замѣчанія, алтаремъ для этого храма о. Серафимъ избралъ паперть Казанскаго храма, построеннаго Агаѣей Семеновной, объяснивъ своему Мишенькѣ, что паперть это достойна стать алтаремъ, такъ какъ „матушка Агаѣя Семеновна, стоя на молитвѣ, всю ее потоками своихъ слезъ омыла“. Эта Рождественская церковь и была первоначальной церковью обители.—При преемницѣ матушки Александры, управительницѣ Анастасіи, Дивѣвская община состояла изъ 20 мѣщанскихъ и крестьянскихъ дѣвушекъ, а при слѣдующей начальницѣ, старицѣ Ксеніи, число сестеръ возросло до сорока.— Въ 1825 году

о. Серафимъ раздѣлилъ общину на двѣ части, находя, что вдовамъ и дѣвицамъ лучше жить врозь, построилъ имъ мельницу, а вокругъ нея новыя кельи, такъ-какъ община все росла. Прозорливый о. Серафимъ, не посѣщая Дивѣева, зналъ тамъ всякій колышекъ, самъ даже начертилъ планъ расположенія всѣхъ будущихъ построекъ въ Дивѣевѣ. И, дѣйствительно, возникшія послѣ его смерти постройки Дивѣевскаго монастыря расположились именно такъ, какъ начертилъ почившій на своемъ планѣ, хотя, надо замѣтить, самый планъ былъ открытъ уже послѣ того, когда почти всѣ постройки были окончены, и поэтому не могъ служить указаніемъ для ихъ расположенія. Этотъ собственноручный планъ о. Серафима и по настоящее время сохраняется въ кельѣ настоятельницы монастыря игуменіи Маріи.— При жизни своей св. старецъ намѣтилъ мѣсто и для настоящаго величественнаго Троицкаго собора.

Дивѣевскую обитель по всей справедливости называютъ любимымъ и кровнымъ дѣтищемъ о. Серафима, почему и зовется она Серафимо—Дивѣевской. Получивъ отъ своего духовнаго руководителя, игумена Саровскаго Пахомія, начальнаго устроителя Дивѣевской общины, завѣщаніе пешихъ о сестрахъ обители, о. Серафимъ до конца своей жизни проявлялъ къ нимъ какую-то особенную вѣжную, отеческую любовь. Насколько дорога была св. старцу эта община, видно напримѣръ, изъ слѣдующаго случая. Одна женщина застала однажды старца собирающимъ по дорогѣ щепки. „Вотъ, матушка, сказалъ онъ ей, св.отцы благословили меня собирать эти щепки для сиротъ Дивѣевскихъ: придетъ зима, нужно будетъ топить имъ“. Все, что приносили посѣтители о. Серафиму въ послѣдніе годы его жизни, все это онъ отправлялъ въ Дивѣевъ. Даже умирая, онъ просилъ и молилъ всѣхъ хрानить и не забывать его „дивѣевскихъ сиротъ“, какъ обычно звалъ онъ сестеръ обители. „Если кто моихъ

сиротъ дѣвушекъ обидитъ, говорилъ святой старецъ, тотъ великое получить отъ Господа наказаніе. А кто заступится за нихъ и въ нуждѣ защититъ и поможетъ, изольется на того свыше великая милость Божія. Кто даже сердцемъ вздохнетъ да пожалѣетъ ихъ, и того Господь наградитъ“. — Совѣтуя приходившимъ къ нему богомольцамъ зайти и въ Дивѣевскую обитель, онъ не разъ говорилъ „счастливъ всякъ, кто у убогаго Серафима, въ Дивѣевѣ, пробудетъ сутки отъ утра и до утра, ибо Матерь Божія, Царица Небесная, каждыя сутки посѣщаетъ Дивѣевъ“. И о. Серафимъ, дѣйствительно, имѣлъ основаніе говорить объ особенномъ благоволеніи Царицы Небесной къ Дивѣевской обители, какъ видно это изъ самаго ея возникновенія.

Уже по смерти о. Серафима, въ 1842 году былъ полученъ указъ Св. Синода объ утвержденіи въ Дивѣевѣ общежительной обители, подъ именемъ Серафимо-Дивѣевской общины, а въ 1861 году эта община была возведена на степень третьекласснаго женскаго монастыря.

Въ настоящее время это одна изъ многолюднѣйшихъ русскихъ обителей, въ ней живетъ 1070 сестеръ. — Обитель обнесена высокой каменной стѣной съ башнями, стѣна имѣетъ въ огружности до 800 сажень. Съ западнаго входа въ монастырь возвышается величественная, пяти-ярусная колокольня по бокамъ которой расположены двѣ трехъ-этажныя каменные гостиницы. Въ одной изъ этихъ гостиницъ мы и пріютились.

Окна нашего номера выходили на главную монастырскую площадь, среди которой ближе всѣхъ красуется величественный соборъ въ честь Живоначальной Троицы. Напившись чаю, мы и отправились въ этотъ дивный соборъ. — Вполнѣ согласенъ съ отзывомъ Е. Поселянина, который недавно писалъ о немъ: „Какъ великолѣпенъ этотъ соборъ, залитый свѣтомъ, весь всегда полный какого-то свѣтлаго

торжества, какой-то радостной теплоты, такъ прекрасно отражающей мысль о безконечно благомъ, зовущемъ, благословляющемъ и успокаивающемъ Богъ („Церв. Вѣд. 1904 г. № 29). Архитектурой своей соборъ напоминаетъ храмъ Христа Спасителя въ Москвѣ. Замѣчательна живопись его — стѣнная и иконная, преимущественно работы Дивѣевской живописной мастерской. И, несомнѣнно, по красотѣ и изяществу этотъ соборъ принадлежитъ къ числу выдающихся храмовъ Россіи. Въ немъ пять престоловъ. Главный — въ честь Св. Троицы, правый придѣлъ, съ южной стороны, — въ честь чудотворной иконы Божіей Матери, именуемой „Умиленіе“, празднованіе которой совершается 28 іюля, а съ сѣверной стороны устроенъ придѣлъ въ честь преподобнаго о. Серафима. Освященъ былъ этотъ придѣлъ 21 іюля прошлаго года. На высочихъ хорахъ собора помѣщены еще два придѣла: въ честь чутворной Владимірской иконы Божіей Матери и во имя св. Іоанна Предтечи.

Войдя въ соборъ, мы прямо направились къ главной святынь обители — къ чудотворной иконѣ „Умиленія Божіей Матери,“ молясь предъ которой въ своей кельѣ скончался о. Серафимъ. По окончаніи молебна, мы припали къ этой великой святынь, прося себѣ у Царицы Небесной прежде всего духа умиленія, которымъ такъ богатъ былъ дивный Саровскій подвижникъ и котораго обычно такъ мало у насъ. — Икона „Умиленія Божіей Матери“ находится около лѣваго клироса. Предъ иконой виситъ нѣсколько неугасимыхъ лампадъ, среди нихъ двѣ: одна съ изображеніемъ черныхъ двухглавыхъ орловъ — даръ Государя Императора, — другая даръ Государыни Императрицы. Направо на одной линіи, такихъ же размѣровъ стоитъ образъ Преподобнаго Серафима. Подошли приложиться и къ нему. Тутъ невольно мнѣ пришли на память слова акаѳиста, прославляющія его блаженную кончину: „*Радуйся вѣсть отъ нея* (явившейся Богоматери)

ко преселенію небесному пріемый; радуйся, праведною кончиною святость житія твоего показавый; радуйся, въ молитвѣ предъ иконою Богоматере умиленный духъ твой Богу предавый“ (Акаѳ. 10-й икосъ).

На другой день отиравились въ тотъ же соборъ къ поздней литургіи. Цѣвѣ стройное, молитвенное, тихое, какъ и въ Понетаевскомъ монастырѣ. Также довольно причастниковъ — мірянъ. Но большая ихъ часть ежедневно пріобщается за ранней литургіей въ Тихвинской церкви. Просфоръ для изъятія частицъ и здѣсь подается также безчисленное множество. Рассказывали, случаются дни, когда продаютъ въ Дивѣевѣ до 10 тысячъ просфоръ.

Послѣ литургіи, по обычаю, вышли на средину храма для совершенія такъ называемаго царскаго молебна. Этотъ молебенъ установленъ въ Дивѣевѣ съ прошлаго года въ благодарную память о милостивомъ посѣщеніи обители Ихъ Императорскими Величествами. — Молебенъ служится Спасителю, Божіей Матери и Преподобному Серафиму, при чемъ первый припѣвъ поется такъ: „Многомилостиве Господи, помилуй насъ“.

Намѣреваясь на другой день послужить, я попросилъ на это позволенія у очередного о. протоіерея. Отказа и здѣсь, разумѣется, также не бываетъ, и пріѣзжіе священники то и дѣло служатъ. Меня попросили придти къ вечернѣ въ 3 часа. Утренняя въ Дивѣевѣ, какъ и въ Понетаевѣ, ежедневно бываетъ съ вечера въ 6 часовъ. — Той продолжительности, что въ Саровѣ, богослуженіе здѣсь не имѣетъ. — Молебны служатся почти безирерывно и служатъ большею частью пріѣзжіе іереи.

Въ этотъ день мы снова тщательно осмотрѣли соборъ и снова много дивились его великолѣпію и величественности. Были и на хорахъ. Вездѣ насъ поражала та безукоризненная чистота, опрятность, которая, должно быть, можно найти

только въ женскихъ обителяхъ и чего въ Саровѣ мы не видѣли. Эту-же безукоризненную чистоту и прибранность мы нашли и въ другихъ храмахъ и мѣстахъ Дивѣева, гдѣ были. При томъ громадномъ наплывѣ богомольцевъ ежедневно, какой былъ при насъ (по вѣсколку тысячъ), и богомольцевъ главнымъ образомъ изъ простого люда, нельзя не удивляться этой образцовой вездѣ чистотѣ.

Въ этотъ-же день мы осмотрѣли „ближнюю“ и „дальнюю“ пустыньки о. Серафима. Надо замѣтить, что прежніе саровцы, холодно и равнодушно относясь съ св. старцу, по смерти его, передали всѣ почти вещи, оставшіяся послѣ него, въ Дивѣевъ. Сестры же Дивѣескія, какъ великую святыню, старались собрать у себя все, что относилось къ старцу, а саровцы совершенно спокойно уступали имъ эти вещи, не догадываясь, что не пройдетъ и трехъ четвертей вѣка, какъ эти лапти и рукавицы, топорики и мотыжки „убогаго Серафима“ станутъ завѣтными святынями русскаго народа. За его вѣжную отеческую любовь Дивѣевъ платилъ ему тѣмъ-же. И вотъ такимъ путемъ собрались здѣсь „ближняя“ и „дальняя“ пустыньки старца, вся его „одежка“ и обувь, евангеліе, которое онъ всегда носилъ въ сумѣ за плечами, его иконы, книга, загорѣвшаяся при его кончинѣ, пни деревьевъ служившіе ему стуломъ, камни, на которыхъ онъ прошелъ подвигъ столпничества, наконецъ, его келейная икона „Умиленія Божіей Матери“.

Направляемся прежде всего въ кладбищенскую Преображенскую церковь. Въ ней алтарь сдѣланъ изъ стѣнъ „дальней пустыньки“ о. Серафима, гдѣ онъ прожилъ много лѣтъ въ лѣсной глуши, въ полномъ уединеніи, и гдѣ совершилъ всѣ свои величайшіе аскетическіе подвиги. Келья эта срублена руками самого „батюшки Серафима“, какъ намъ сообщила руководительница—монахиня. Едва-ли есть храмъ оригинальнѣе этого по простотѣ и расположенію. Нѣ-

сколько иконъ въ иконостасѣ, бревенчатая стѣны „пустыньки“ безъ всякой отдѣлки, во всей своей неприкосновенности. Вокругъ кельи алтаря идетъ корридоръ, по которому обыкновенно обходятъ алтарь всѣ посѣтителѣ мѣряне. Въ стѣнахъ кельи есть окна, чрезъ которыя хорошо можно разсмотрѣть все находящееся въ алтарѣ. Меня, какъ священника, монахиня впустила въ самый алтарь. Въ юговосточномъ углу алтаря висятъ три его келейныя иконы: Спасителя, Богоматери и Іоанна Предтечи. Тутъ же висятъ его мѣдныя лампы, на особомъ столѣ стоитъ тотъ самый мѣдный подсвѣчникъ о. Серафима, отъ котораго загорѣлась при его кончинѣ книга. Здѣсь-же хранится скамья его работы, а подъ ней — чугунокъ, въ которомъ онъ варилъ себѣ пищу, а также пень того дерева, которое по молитвамъ его преклонилось предъ нимъ, келейный камень, на которомъ онъ молился днемъ, совершая свое тысячесуточное моленіе. Въ самомъ храмѣ за вѣликопостасами предъ солеей и по стѣнамъ поставлены изящной работы бронзовыя витрины, съ толстѣйшими отличными стеклами. Въ этихъ витринахъ размѣщены принадлежавшія „батьюшкѣ о. Серафиму“, (какъ его обычно зовутъ Дивѣевскія сестры), вещи: евангеліе, крестъ, поручи, епитрахиль, въ которой онъ ежедневно совершалъ келейное правило, свуфейка и четки его работы, а также рукавицы, монатейка, гребень, малахай (шапка съ наушниками), полушубокъ, кафтанъ, мотыги, топоръ, большіе кожаные боты и лапти. Осмотрѣвъ всѣ эти дорогіе вещественные памятники „убогаго о. Серафима“, мы снова привели себѣ на память его предивную жизнь на землѣ, какъ онъ „во плоти ангелъ“, будучи въ мѣрѣ, жилъ уже „премірно“, и „на земли жилъ небесно“.

Изъ „дальней пустыньки“ переходимъ въ „ближнюю“. Она ближе къ собору. Это та самая крохотная келейка — на берегу Саровки, гдѣ о. Серафимъ въ послѣдніе годы проводилъ свое дневное пребываніе. Келейка, состоящая изъ крошеч-

ныхъ стѣней и крошечной комнатки, для сохранности заключена въ особый деревянный домикъ, какъ-бы въ футляръ. Въ комнаткѣ виситъ большой образъ Спасителя съ горящей всегда предъ нимъ лампадой, и два изображенія о. Серафима — большой, въ ростъ, портретъ старца сгорбленнаго, съ крайне изможденнымъ лицомъ, и изображеніе его въ гробу. Здѣсь мы застали непрерывное чтеніе псалтыря съ поминовеніемъ. Желающіе тутъ записываютъ для поминовенія имена своихъ присныхъ. Въ память объ о. Серафимѣ, некогда раздававшимъ въ этой келейкѣ сухарики приходившимъ къ нему, и теперь приставленная монахиня раздаетъ здѣсь всѣмъ посетителямъ сухарики. Здѣсь-же купили мы елею изъ неугасимой лампы предъ иконой „Умиленія“, а монахиня дала намъ еще нѣсколько щепочекъ отъ кельи о. Серафима. Осмотрѣвъ пустыньки св. старца, на обратномъ пути мы зашли въ часовенку, гдѣ хранятся жернова отъ мельницы, построенной о. Серафимомъ. Жернова ручные, въ дѣйствиіи, и довольно легко вертятся. Мы обернули ихъ по нѣскольку разъ. На дорогу намъ дали мучки.

Словомъ, здѣсь, что ни шагъ, то видишь что-нибудь или слышишь напоминающее объ этомъ неутомимомъ печальникѣ Дивѣевской обители.

Въ тотъ же день послѣ вечерни мы посѣтили великолѣпную Александрійскую церковно-приходскую школу. Она помѣщается въ большомъ двухъэтажномъ деревянномъ домѣ, слѣва противъ собора. Когда мы вошли въ школу, застали всѣхъ дѣвочекъ (30 человѣкъ) за руководѣльными работами, подъ наблюденіемъ старшей монахини. Всѣ живо вскочили и подошли подъ благословеніе. Среди нихъ были прямо крошки которыхъ нельзя было не расцѣловать. Въ этотъ пріютъ-школу принимаютъ даже, какъ сообщила надзирательница-монахиня, и полтора лѣтъ. Побесѣдовавъ съ ними, я попросилъ что нибудь спѣть. Въ отвѣтъ на мою просьбу вышли трое крошекъ, 4, 5 и

6-ти лѣтъ. и спѣли тропарь о. Серафиму: „Въ тебѣ, отче, извѣство спасесе“. Такъ это мило, пріятно вышло, что невольно слезы навернулись на нашихъ глазахъ...—Затѣмъ всѣ дѣвочки общимъ хоромъ спѣли наизусть извѣстную кантату на 17-е октября: „Отчего сегодня, мама, такъ звонятъ въ колокола“. Спѣли прямо чудно!.. Мы пришли въ неописуемый восторгъ. Особенно поразила насъ солистка—басъ (контральтъ), такихъ женскихъ голосовъ я прямо не слыхивалъ. Осмотрѣли всѣ помѣщенія, а также и руководѣльныя работы. Последнія достойны высшей похвалы. Нынѣ эти сиротки послали четыре изящныхъ косыбки Царскимъ дѣтямъ съ надписью: „отъ дѣтей Царскимъ дѣтямъ“, за это удостоились Высочайшей благодарности. — Во всѣхъ помѣщеніяхъ нашли обычные въ Дивѣевѣ, образцовую чистоту, порядокъ и вообще какую то уютность и прибранность. На прощаніе мылыя дѣти еще намъ такъ же хорошо спѣли „Боже, Царя храни“. Восторженное впечатлѣніе вынесли мы отъ посѣщенія этой школы—пріюта для всѣхъ сиротъ и горемыкъ.

Да и вообще надо замѣтить, какъ то особенно хорошо дышится въ Дивѣевѣ „у убогаго Серафима“!.. Такъ хорошо дышется, что многіе, заѣзжая въ эту обитель на часъ, остаются тутъ на день, на два и болѣе. Нынѣшнимъ лѣтомъ, какъ рассказывали намъ, было нѣсколько такихъ случаевъ.

Къ 6 часамъ вечера видимъ, опять полна народомъ Дивѣевская обитель. По два дня мы наблюдали тамъ такое явленіе: съ 3-4 часовъ вечера начинаютъ подъѣзжать къ Дивѣеву одна за другой тройки, пары и вибитки—телѣги, запряженныя въ одну лошадь, а также подходятъ громадныя толпы богомольцевъ—одни изъ Сарова, другіе изъ Арзамаса. И большая часть богомольцевъ обычно ночуютъ въ Дивѣевѣ. такъ-что за всенощной и литургіей соборъ бываетъ ежедневно полонъ молящимися. На другой день послѣ литургіи отираются—одни въ Саровъ, въ другіе Арзамасъ или ву-

да либо въ другую сторону и въ полдень уже мало бываетъ видно паломниковъ въ монастырской оградѣ.

17-го Богъ привелъ мнѣ послужить литургію и въ Дивѣвскомъ соборѣ и послужить съ тѣми самыми Самарскимъ о. ректоромъ и духовникомъ, которыхъ я встрѣтилъ въ Саровѣ. Они со своими юными воспитанниками-богомольцами накануне пришли въ Дивѣво изъ Сарова также пѣшкомъ.

С. С. Т—ій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Б л у д н ы й с ы н ь.

У отца одного непокорный былъ сынъ,—
Повѣствуется такъ въ книгѣ жизни,—
И задумалъ пожить онъ на волѣ одинъ,
Удалиться съ постылой отчизны.

Онъ ушелъ, не забывши съ собой захватить
У отца изъ имѣнія долю,
На чужой сторонѣ сталъ онъ весело жить,—
Тѣшить злую, порочную волю....

И богатство свое расточивъ наконецъ,
Пастухомъ былъ онъ стада свиного....

Вспомнилъ сынъ: „у меня есть надежда—
отецъ,—

„Хорошо было жить у родного!

„Своеволенъ я былъ, и, уйдя далеко,

„Погибаю, терплю неудачу;

„Оскорбилъ я отца, оскорбилъ глубоко, —

„Упаду ему въ ноги, заплачу

Христорождественскій женскій монастырь въ городѣ Слободскомъ, Вятской епархіи.

Въ 1903 году въ №№ журнала „Нива“ мнѣ пришлось прочитать описаніе Балаамскаго монастыря. Вѣроятно, и многіе изъ читателей заинтересовались этой статьей. И правда, она давала живое представленіе о великомъ свѣтильникѣ нашего родного сѣвера. Тутъ-же были помѣщены и виды монастыря его окрестностей, разныхъ мастерскихъ. И вотъ при чтеніи мнѣ невольно подумалось: отчего такъ рѣдки подобныя описанія? Развѣ не интересно знакомиться съ святынями родной земли.—Положимъ, довольно часто можно встрѣтить и виды, описанія обителей наиболѣе извѣстныхъ, о которыхъ каждый съ дѣтства слыхалъ хотя немного; а сколько по великой матушкѣ Россіи есть мало кому извѣстныхъ скромныхъ, часто очень небогатыхъ монастырей,—пріютились они по отдаленнымъ уголкамъ и незамѣтно дѣлаютъ свое святое дѣло. И многіе-ли изъ насъ знаютъ о такихъ монастыряхъ? Да и приходило-ли желаніе познакомиться съ тѣмъ, какъ живутъ, для чего, чѣмъ существуютъ скромные обители такихъ уголковъ. А познакомиться, право, не лишнее! Въ наше тревожное по душевному складу время, когда вездѣ и всюду слышишь одинъ вопросъ: „какъ-же жить надо? и для чего жить? ну, какую пользу могу я принести? за что мнѣ вѣстаться? не вижу цѣли передъ собою, вѣтъ впереди того огонька, на который можно было-бы итти смѣло и бодро“.—Оглушенный, встревоженный всѣми этими вопросами и жалобами, самъ невольно поддаваясь имъ, начинаешь, волноваться, ищешь отвѣта. Ищешь далеко, вездѣ, гдѣ можно, но, какъ часто бываетъ, не около себя. А отвѣтъ иногда тутъ же рядомъ и только ждетъ, чтобы мы обернулись къ нему. Я говорю это потому, что яркой противоположностью нашей

шаткости, растерянности, жалкой безпомощности являются такіе оцлоты вѣры, какъ наши монастыри. Каждый членъ этой большой семьи не мучить себя тревожными сомнѣніями, да у него ихъ и нѣтъ; цѣль его жизни ему ясна: онъ трудится не для себя, а на общее дѣло, нѣтъ времени раздумывать, какъ и для чего онъ живетъ? Онъ знаетъ, что работа его необходима, а значить — и полезна, въ работѣ проходятъ всѣ его дни, слѣдовательно, самая жизнь его нужна другимъ. Это сознание и даетъ ему силы жить и приносить посильную пользу.

Мнѣ очень хотѣлось-бы познакомить читателей съ однимъ изъ такихъ далекихъ женскихъ монастырей глухого сѣвера. — Въ 33-хъ верстахъ отъ г. Вятки лежитъ уѣздный довольно большой городъ Слободской; онъ красиво расположенъ на крутомъ берегу рѣки Вятки; весною и лѣтомъ до самаго города ходятъ изъ Вятки небольшіе пароходы, а въ остальное время года сообщеніе совершается только на лошадяхъ по хорошему почтовому тракту; съ обѣихъ сторонъ дороги возвышаются огромныя березы; нерѣдко по дорогѣ до г. Вятки попадаются поролѣски: дорога очень живописна.

Если ѣхать изъ Вятки въ Слободской на пароходѣ, то монастырь почти не виденъ, такъ какъ онъ лежитъ въ самомъ центрѣ города; видна только его высокая, тонкая колокольня да куполъ теплаго храма. Гораздо лучше открывается видъ на обитель, если подъѣзжать къ городу по почтовому тракту, который выходитъ на улицу, идущую какъ разъ около монастыря. Площадь, занимаемая обителью, имѣетъ форму квадрата; обнесена кругомъ высокой каменной стѣной и недавно обсажена со всѣхъ сторонъ молодыми деревцами. Всѣ корпуса, церкви, монастырская стѣна — все окрашено въ блѣдно-розовый цвѣтъ, что придаетъ всему такой уютный, веселый видъ.

Но возвратимся къ началу этой, теперь такой обширной и такъ хорошо постановленной, обители.

Слободской женскій монастырь основанъ въ первой четверти XVII-го столѣтія усердіемъ гражданъ, которые для монашествующихъ выстроили каменную двухъэтажную церковь и небольшія деревянныя келліи, теперь уже не существующія. Особенно живое участіе въ постройкѣ монастыря принималъ Слободской купецъ Потапій Шмелевъ, который много жертвовалъ изъ своихъ средствъ на его устройство. Монастырь былъ выстроенъ за городомъ — при выѣздѣ на Вятскій трактъ; впоследствии, когда городъ расширился, онъ вошелъ въ черту самаго города, занявъ почти центръ его. До постройки монастыря монашествующія подъ именемъ „келейницъ“ жили при приходскихъ церквахъ, въ устроенныхъ вблизи самыхъ церквей келліяхъ, какъ это видно изъ переписныхъ книгъ. Такъ по переписи Ивана Доможирова значится: „церковь Николая Чудотворца деревяна, ветха и пуста, стоитъ безъ пѣнія, а при той церкви живутъ старицы: монахиня Киликія и проч.“. По переписи подъячаго Рязанцева также значатся келейницы, жившія при церкви Іоанна Предтечи, которая теперь уже не существуетъ. Слободскіе граждане, вѣроятно, желая собрать келейницъ, жившихъ разрозненно при разныхъ приходскихъ церквахъ и доставить имъ удобства къ общежитію, склонились къ постройкѣ въ своемъ городѣ женскаго монастыря.

Онъ первоначально носилъ названіе „Спасскаго“, потому что главный престолъ храма былъ въ честь Нерукотвореннаго Образа Христа Спасителя. Причтъ при монастырѣ состоялъ изъ одного священника, дьячка и пономаря. Для доставленія причту, какъ и монашествующимъ, средствъ къ безбѣдному существованію былъ отведенъ монастырю небольшой приходъ. Въ числѣ прихожанъ находился и самый главный благодетель монастыря вышеупо-

мянутый купецъ Патапій Шмелевъ. Такъ какъ монастырь былъ приходскій, то указы Духовной Консисторіи, относившіеся къ приходу, высылались на имя приходскаго священника, тѣ-же указы, которые относились собственно къ монашествующимъ, высылались на имя ихъ настоятельницы.

Въ 1764 г. Слободской женскій монастырь былъ на некоторое время закрытъ. Въ этомъ году, при составленіи монастырскихъ штатовъ, вводимшихся тогда повсемѣстно въ Россіи, изъ пяти женскихъ монастырей, находившихся въ то время въ предѣлахъ Вятской епархіи *), одинъ только Вятскій Преображенскій монастырь былъ зачисленъ въ штатъ третьяго разряда.

Остальные монастыри, въ томъ числѣ и описываемый Слободской, за малочисленностію монашествующихъ, были упразднены; впрочемъ, Уфимскій не былъ совершенно упраздненъ, а сдѣланъ только приписнымъ. Монахини четырехъ упраздненныхъ монастырей были переведены на временное жительство въ Вятскій Преображенскій монастырь, впредь до новаго распоряженія Епархіальнаго вачальства. Въ концѣ того-же года, въ декабрѣ, по ходатайству Преосвященнѣйшаго Варѣоломея, Епископа Вятскаго и Великопермскаго, въ Вятской епархіи, кромѣ Вятскаго Преображенскаго, зачисленъ былъ въ штатъ третьяго-же разряда еще другой—Уфимскій Христорожественскій монастырь, въ который и приказано было перевести всѣхъ монахинь изъ упраздненныхъ монастырей. Такъ какъ въ то время въ Уфимскомъ монастырѣ не было игуменіи, то Преосвященнымъ Варѣоломеемъ была возведена въ этотъ санъ одна изъ монахинь Вятскаго монастыря, именемъ Таисія, такъ какъ была „житія честнаго и гра-

*) Въ Вяткѣ—Преображенскій, въ Слободскомъ—Спасскій, въ Соликамскѣ—Преображенскій, въ Чердыни—Успенскій и въ Уфѣ—Христорожественскій.

мотъ обученная“, подъ наблюдениемъ которой и отправились монахини въ означенный монастырь. Благочиннымъ Уфимскаго монастыря былъ назначенъ протоіерей Богородскаго собора Іаковъ Несмѣловъ. Но не долго существовалъ въ Уфѣ этотъ новый штатный монастырь. Въ 1775 г., по указу Святѣйшаго Синода отъ 29 апрѣля, повелѣно его упразднить совершенно, монахинь перемѣстить обратно въ г. Слободской въ зданія упраздненнаго Спасскаго монастыря; церковную утварь и ризницу Уфимскаго монастыря монахинямъ приказано было взять съ собою. Это перемѣщеніе послѣдовало въ ноябрѣ 1775 г. по первому зимнему пути.

Такимъ образомъ, Слободской Спасскій монастырь черезъ 11 лѣтъ по упраздненіи былъ возстановленъ снова; поименовать его велѣно было не „Слободскимъ Спасскимъ“, а „Уфимскимъ Христорожественскимъ монастыремъ“, съ прибавленіемъ словъ: „что въ г. Слободскомъ“. Такое названіе монастырь носилъ до 1823 года.

Что послужило поводомъ къ перемѣщенію сестеръ изъ Уфы въ Слободской, — это не выяснено въ указѣ Святѣйшаго Синода. По словамъ однихъ — причина заключалась въ томъ, что строевія Уфимскаго монастыря (а они всѣ, начиная съ церковей, были деревянныя) отъ времени пришли въ крайнюю ветхость и сдѣлались совершенно негодными для жительства; а поправить ихъ, или замѣнить новыми, у монашествующихъ не было никакихъ средствъ, что будто-бы и побудило ихъ искать для себя другого мѣста. По сказанію другихъ, причина заключалась въ грабежахъ и убійствахъ, производимыхъ въ томъ краю Пугачевымъ.

На основаніи этихъ сказаній, хотя и разнорѣчивыхъ, но одинаково вѣроятныхъ, можно допустить, что — отчасти ветхость монастырскихъ зданій, а еще болѣе — опасенія сестеръ за расхищеніе церковнаго имущества разбойническими шайками Пугачева, — все это побудило монашествующихъ

ходатайствовать предъ епархіальной властью о перемѣщеніи ихъ въ другое болѣе удобное и безопасное мѣсто жительства. Во вниманіе къ ихъ просьбѣ, по всей вѣроятности, и былъ назначенъ имъ Слободской Спасекій монастырь, до того времени состоявшій въ упраздненіи.

Прибывъ въ г. Слободской, монахини не могли помѣститься всѣ въ зданіяхъ здѣшняго монастыря, такъ какъ келлій было очень мало; и опять многія изъ нихъ, по распоряженію начальства, были переведены въ Вятскій Преображенскій монастырь, впродъ до постройки для нихъ новыхъ келлій.

Но эта постройка въ теченіе долгаго времени не производилась, отчасти по недостатку средствъ, а еще больше по неимѣнію мѣста, такъ какъ въ то время монастырь былъ обстроенъ со всѣхъ сторонъ домами гражданъ и занималъ самую незначительную часть городского квартала. Недостатокъ помѣщенія заставлялъ весьма ограничивать и самое число монахинь. Изъ годичныхъ вѣдомостей, хранящихся въ архивѣ, видно, что до тридцатыхъ годовъ прошлаго столѣтія ни въ одинъ годъ не состояло полного числа монахинь, положеннаго по штату. Незамѣщенные монашескія вакансіи зачислялись или за монахинями другихъ монастырей, или за послушницами здѣшняго-же монастыря.

Только съ 30-хъ годовъ монастырь сталъ постепенно пріобрѣтать черезъ покупку смежные съ нимъ дома и земли, и по мѣрѣ своихъ средствъ сталъ устраивать келліи внутри монастырской ограды. Съ этого времени значительно стало увеличиваться и число сестеръ. Есть одно трогательное преданіе, сохранившееся доселѣ среди монашествующихъ и относящееся именно къ этому періоду расширенія предѣловъ обители черезъ покупку домовъ у сосѣдей, частныхъ лицъ.

Одинъ изъ такихъ домовъ, гдѣ въ настоящее время устроена больница, никакъ не удавалось купить, какъ ни старалась объ этомъ тогдашняя игуменія Пульхерія. Владѣ-

лица дома была старовѣрка и ни за что не хотѣла уступить свое мѣсто монастырю. Игуменія эта была лично знакома Преподобному Серафиму Саровскому; она имѣла большую къ нему вѣру и послѣ смерти старца свято чтала его память. У нея былъ большой портретъ подвижника, гдѣ онъ изображенъ во весь ростъ. Часто, хотя старецъ и не былъ еще причисленъ къ лику святыхъ, игуменія молитвенно обращалась къ нему, предъ его портретомъ изливала свою душу и просила подвижника Божія устроить для обителя пріобрѣтеніе этого дома. И что-же? Старецъ внялъ ея молитвамъ: онъ неоднократно являлся въ сонномъ видѣніи домовладѣлицѣ Шентаевой, строго приказывая ей *пожертвовать* свой домъ монастырю, а самой принять православіе, что она наконецъ и исполнила. Въ настоящее время этотъ портретъ Препод. Серафима находится въ церкви и съ вѣрою къ нему притекающіе получаютъ просимое.

Итакъ, шагъ за шагомъ обитель расширяла свои предѣлы. Нѣкоторыя еще и теперь здравствующія монахини старушки помнятъ ее маленькой; кругомъ были дома и усадьбы частныхъ лицъ, ни одного каменнаго корпуса, все было бѣдно и неустроено.

Посмотримъ-же на монастырь въ настоящее время. Площадь занимаемая имъ, имѣетъ форму квадрата и обнесена высокой каменной стѣной. Съ каждой стороны въ стѣнѣ есть ворота. Одни изъ нихъ на востокъ называются „Святыми“, — раньше когда-то они были деревянныя и расписаны живописью, а теперь они — литыя, желѣзныя, изящной формы и украшены живописными изображеніями четырехъ херувимовъ. Надъ воротами помѣщена икона Нерукотвореннаго образа Спасова — очень старинная и большая съ темнымъ, но хорошо сохранившимся св. ликомъ; предъ этой иконой всегда горитъ лампада и такъ привѣтливо мерцаетъ она, особенно въ темные осенніе вечера, когда случается проходить мимо. Южныя ворота

всегда заперты, чрезъ нихъ проходятъ только во время крестныхъ ходовъ. Чаше всегда ходятъ и ѣздятъ чрезъ сѣверныя ворота, выходящія на „Вятскую“ улицу и потому обыкновенно именуемая „Вятскими“. Наконецъ, послѣднія ворота на западъ находятся во дворѣ второклассной женской школы которая лежитъ въ чертѣ монастыря, занимая его сѣверо-западный уголъ.

Войдемъ въ святыя ворота. Прямо и направо идутъ деревянные тротуары—первые къ теплому храму и къ лежащимъ дальше его корпусамъ, вторые—въ корпусу настоятельницы и дальше къ новому огромному зданію монастырской трапезной. Передъ вами, прямо среди монастыря, стоитъ холодный храмъ: ему насчитываютъ около трехсотъ лѣтъ, а вокругъ него разбиты огромные, прелестные цвѣтники; сестры называютъ это мѣсто „новый садъ“, онъ насаженъ сравнительно недавно нывѣшней настоятельницей; раньше здѣсь было сырое, топкое мѣсто, росла одна капуста, а благодаря энергіи матушки Олимпіады, нывѣшней игуменіи, сестры теперь все лѣто могутъ выходить погулять среди цѣлаго моря цвѣтовъ и зелени, по чистымъ дорожкамъ въ густыхъ аллеяхъ сосенъ и тополей. Перейдя небольшую площадку, вы попадете въ другой—„старый“ садъ, который насаженъ и устроенъ тоже игуменіей Олимпіадой 24 года тому назадъ, въ бытность ея казначеей. Здѣсь много тѣни, большія, старыя липы и тополи въ иныхъ мѣстахъ почти сплелись и образовали длинныя, зеленые своды, гдѣ въ самые жаркіе дни такъ прохладно. Но и тутъ неутомимыя сестры садовницы урѣзали полянки, и здѣсь насадили цвѣтовъ, то тутъ, то тамъ пестрѣютъ клумбы. Среди нихъ бесѣдка съ крылечкомъ, недалеко дерновая горка съ лавочкой наверху.

Садъ окруженъ со всѣхъ сторонъ корпусами: слѣва—*живописная*, большой полукаменный двухъэтажный корпусъ; справа—новый, еще не оконченный, тоже двухъэтажный, гдѣ

будутъ жить сестры. Здѣсь же у новаго корпуса прилѣпилось одно изъ старыхъ монастырскихъ зданій — маленькій деревянный домикъ, гдѣ жила на покое игуменія Пульхерія.

За садомъ, прямо у западной стѣны обители, стоитъ монастырская больница, — красивое, въ два этажа, полукаменное зданіе съ большой, широкой террасой, выходящей къ саду. Теперь на этой террасѣ временно устроена брытая стеклянная галерея, гдѣ помѣщается монастырская фотографія. Дѣло это въ обители совершенно новое, возникло оно всего какой-нибудь годъ назадъ, но уже обѣщаетъ разростись въ обширное и глубоко—интересное предиріятіе.

Рядомъ съ больницей стоитъ одинъ изъ прежнихъ одноэтажный, съ подвальнымъ помещеніемъ, корпусъ съ келліями сестеръ, а ближе къ живописной—хорошовой въ 3 окна деревянный домикъ, это — келлія сестры-садовницы, тутъ и маленькая тепличка.

Если мы пойдемъ направо отъ святыхъ воротъ, мимо корпуса настоятельницы къ громадвой трапезной, то еще правѣе останется старая трапеза; въ углу, между двумя большими зданіями—новой трапезной и корпусомъ настоятельницы она кажется такой маленькой, незамѣтной.

Теперь и въ ней (въ верхнемъ этажѣ) живутъ сестры, въ среднемъ — позолотная мастерская, а въ нижнемъ — странноприимный покой для богомольцевъ.

Противъ крыльца этого корпуса, на самомъ углу монастыря, стоитъ часовня, выходящая своей лицевой стороной на уголъ Вятской и Христорожественской улицъ. Тутъ постоянно сидитъ монахиня — продаетъ образки, книжечки, тканые пояски и проч. Пройдемъ мимо новой трапезы — и рядомъ съ нею стоитъ свѣчной заводъ. Онъ помѣщается въ небольшомъ, хотя и двухъэтажномъ корпусѣ, впрочемъ, и то въ нижнемъ его этажѣ, а въ верхнемъ — живутъ монахиня, заведующая заводомъ, и другія сестры.

Дальше по той-же линіи идутъ монастырскія баня, пра-

чечвая, конюшни, и затѣмъ начинается дворъ второклассной школы.

Передъ школой, выходя къ ней своимъ заднимъ фасадомъ, стоитъ послѣдній корпусъ, — тоже двухъэтажный деревянный; онъ весь занятъ келліями сестеръ.

Вотъ всѣ собственно — монастырскіе корпуса. Считая въ томъ числѣ и крошечную теплицу, баню, прачечную — ихъ всѣхъ 16.

Северо-западный уголъ обители занятъ дворомъ второклассной школы и самой школой. — Это чудное трехъэтажное зданіе своимъ главнымъ фасадомъ выходитъ на Вятскую улицу; въ немъ обучается 150 дѣвочекъ разныхъ сословій, преимущество отдается крестьянкамъ. Рядомъ съ этимъ большимъ — маленькій деревянный флигель, гдѣ вверху помѣщается школьная больница, а внизу живетъ сторожъ и истопникъ школы. Дальше — баня, потомъ — школьные сараи, погребъ, и затѣмъ начинается стѣна монастыря. Школа со своей усадьбой представляетъ, такимъ образомъ, четырехъугольникъ, кругомъ отгороженный отъ монастыря, но валичка въ стѣнѣ соединяетъ его съ обителью.

Вотъ бѣглый обзоръ внѣшняго вида монастыря.

Хорошее производитъ онъ собою впечатлѣніе, но оно несравненно возвысится, если мы не полѣнимся вливнуть въ его внутренній строй, если пожелаемъ поближе ознакомиться со всѣми его мастерскими, а привѣтливыя сестры никогда не откажутся все показать и объяснить. Имъ постоянно приходится принимать такихъ неожиданныхъ посѣтителей и, я думаю, ни одинъ не можетъ пожаловаться на недостатокъ вниманія и предупредительности съ ихъ стороны.

Начнемъ этотъ подробный осмотръ обители съ храмовъ. — Ихъ въ обители два, — оба каменные.

Первый храмъ — двухъэтажный, стоящій среди монастырской ограды, построенъ въ первой четверти XVII-го

столѣтія. Планъ храма снятъ съ Московскаго Богоявленскаго монастыря; но въ нѣсколько уменьшенномъ видѣ. Въ верхнемъ этажѣ храма—одинъ престолъ въ честь и славу Нерукотвореннаго образа Христа Спасителя. Иконостасъ въ немъ пяти-ярусный, рѣзной работы, вызолоченъ въ 1847 г. на полиментъ, а въ 1885 г. заново отремонтированъ трудами уже самихъ сестеръ. Всѣ иконы, находящіяся въ нижнемъ ярусѣ, украшены серебряными вызолоченными ризами, а нѣкоторыя изъ нихъ кромѣ того украшены разноцвѣтными камнями. Въ нижнемъ этажѣ храма находятся два престола: съ правой стороны въ честь Смоленской иконы Божіей Матери, а съ лѣвой—въ честь Св. Великомученицы Параскевы, нареченной „Пятницы“. Иконостасъ въ нижнемъ храмѣ одоярусный, довольно простой работы.

Второй храмъ теплый, занимаетъ почти средину восточной стѣны и выходитъ алтаремъ на улицу, называемую Христорожественскою. Первоначально онъ былъ сооруженъ въ 1827 г. въ честь Рождества Христова. Иконостасъ въ немъ былъ двухъярусный, убраный золоченою рѣзью по бѣлому фону. Всѣ иконы нижняго яруса украшены серебropозлащенными ризами, а списокъ Тихвинской иконы Божіей Матери, находящійся по лѣвую сторону царскихъ вратъ, кромѣ того убранъ драгоценными камнями: брилліантами, аметистами, рубинами. Риза на эту икону со всѣми ея украшениями сооружена усердіемъ Слободской купчихи Александры Шмелевой въ благодарность за полученное ею исцѣленіе отъ болѣзни.

Въ 1834 году къ этому храму былъ пристроенъ съ южной стороны небольшой придѣлъ въ честь Святителя Митрофана Воронежскаго.

Но храмъ этотъ былъ малъ, тѣсенъ, и вотъ въ управленіе обителью игуменія Маріи на мѣстѣ этого низкаго, стараго храма сооруженъ съ Божьей помощью на пожертвованія

добрыхъ людей новый каменный прекрасный храмъ. Снаружи онъ не кажется очень великъ, но когда войдешь въ него то поражаешься его своеобразнымъ устройствомъ.

Высоко вверхъ уходитъ широкій куполъ, справа, слѣва и съ запада хоры, на первыхъ двухъ стоятъ сестры, а западная — для пѣвчихъ. Предъ вами, прямо внизу, придѣлъ въ честь Рождества Христова. Вы смотрите выше на иконостасъ и ничего особеннаго не замѣчаете, кромѣ того развѣ, что высоко надъ царскими вратами идетъ поперекъ всего иконостаса невысокая золоченая рѣшетка. Оказывается, что она отдѣляетъ собою узенькую солею второго придѣла храма, устроеннаго надъ первымъ.

Какъ-то особенно трогаетъ душу служеніе божественной литургіи въ этомъ верхнемъ придѣлѣ, а тамъ обыкновенно служатся равнія обѣдни. Далеко отсюда-то доносятся возгласы священника и діакона, высоко вверху стоятъ они надъ молящимися и невольно ниже склоняешься предъ Св. Дарамъ, проносящимися высоко, точно гдѣ-то въ небѣ. И когда голосъ священника произноситъ великія пророческія слова „всегда нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ...“, блеснетъ въ его рукахъ Св. Чаша, то невольно склоняешься ниже и ниже, и глубже сознаешь свое ничтожество предъ вѣчностью Божества.

Освященъ этотъ второй придѣлъ въ 1882 году Архіепископомъ Аполлосомъ.

Говоря о прекрасныхъ храмахъ обители, вельзя умолчать и о чудномъ монастырскомъ хорѣ, иѣніе котораго чрезвычайно стройно и выразительно. Онъ устроенъ трудами и заботами теперешней игуменіи Олимпіады, которая сама прекрасная пѣвица и музыканта. Масса горожанъ наполняетъ храмъ въ воскресные и праздничные дни, всѣ спѣшать насладиться неторопливымъ, торжественнымъ служеніемъ и трогаящимъ душу пѣніемъ сестеръ. И кто-бы ни пріѣхалъ въ городъ въ первый разъ, ему всѣ рекомендуютъ пойти послу-

шать пѣніе монахинь; и, дѣйствительно, оно доставляетъ много эстетическаго наслажденія. Хоръ довольно большой, человѣкъ 40, въ немъ двѣ регентши и двѣ помощницы. Спѣвки очень часто посѣщаетъ сама настоятельница и во время пѣнія она аккомпанируетъ ему на фисгармоніи.

Оба монастырскіе храма снабжены утварью въ достаточномъ количествѣ. Не роскошна, но въ высшей степени изящна ризница монастыря; всѣ облаченія сшиты руками самихъ сестеръ; есть шитыя по бархату золотомъ, серебромъ, а съ тѣхъ поръ, какъ въ монастырѣ появилась живописная мастерская и стали рисовать акварелью, ризница обогатилась многими чудными облаченіями этой работы: есть напимѣръ, голубыя и розовыя ризы, рисованныя акварелью по атласу.

Въ храмахъ обители есть святыя иконы, пользующіяся особымъ благоговѣйнымъ почитаніемъ.

1) Храмовая икона Нерукотвореннаго образа Христа, точный снимокъ съ древней чудотворной иконы, находящейся въ Москвѣ у Спаса за золотой рѣшеткой. На иконѣ серебряная позлащенная риза, украшенная бирюзой и другими камнями. Празднество иконъ — 16-го августа, а 11-го мая съ этою иконою совершается по городу крестный ходъ, служатся водосвятныя молебны на улицахъ и въ домахъ частныхъ лицъ. Это дѣлается въ исполненіе обѣщанія граждавъ съ 1831-го года, когда городъ много пострадалъ отъ сильнаго пожара.

2) Храмовая икона Божіей Матери, — точный снимокъ съ Смоленской чудотворной иконы, находящейся въ Московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Празднество иконъ — 28 іюля.

3) Списокъ съ Аѳонской иконы Божіей Матери, именуемой Скоропослушницею, посланной изъ Аѳонскаго Андреевскаго скита въ 1853 году въ благословеніе игуменіи Пульхеріи съ сестрами. Риза на иконѣ серебряная позлащенная,

вѣнецъ и корона на Божіей Матери и Предвѣчномъ Младенцѣ убраны брилліантами, пожертвованными Казанскою купчихою Крупениковою въ благодарность за полученное ею исцѣленіе по молитвѣ предъ этой иконою. Цѣнность всѣхъ камней около 1500 рублей. Празднество иконъ прежде совершалось 3-го октября, въ день полученія св. иконы съ Аѳона.

Въ послѣдніе годы, когда въ честь Б. М. Скоропослушницы устроена церковь при новой трапезѣ, празднованіе это перересено на 9-е ноября — день прославленія святой иконы.

4) Списокъ съ Аѳонской иконы Божіей Матери, именуемой „Утѣшеніе въ скорбяхъ и печаляхъ“. Это точный снимокъ съ древней чудотворной иконы, которую въ 1863 г. аѳонскіе монахи привосили въ г. Слободской изъ Аѳонскаго Андреевскаго скита и отъ которой 19-го ноября здѣшнимъ живописцемъ Владиміромъ Неволінымъ получено исцѣленіе отъ нѣмоты *). Снимокъ съ чудотворной иконы снятъ самимъ исцѣленнымъ. Риза на снимкѣ снята съ самой чудотворной иконы и пожертвована братією упомянутаго выше скита въ Слободской монастырь въ память благодатныхъ исцѣленій, полученныхъ многими изъ протекавшихъ съ вѣрою къ св. образу Богоматери. Празднество иконъ 25 января и 19 ноября въ память чудеснаго исцѣленія Неволіна.

5) Списокъ съ Иверской иконы Божіей Матери; это также точный снимокъ съ чудотворной иконы. На ней риза, украшенная разноцвѣтными камнями, сооружена игуменіей Пульхеріей на свои средства при участіи нѣкоторыхъ гражданъ. Празднество иконъ совершается 12 февраля, 31-го марта и на 3-й день Пасхи.

*) Подробное описаніе этого чудеснаго исцѣленія см. Вятскія Епарх. Вѣдомости № 12-й за 1864 г. и журналъ «Странникъ» за тотъ-же годъ мѣсяцъ апрѣль.

6) Храмовая икона Святителя Митрофана Воронежскаго, посланная въ 1833 г. въ благословеніе здѣшнему монастырю Архіепископомъ Воронежскимъ Автономъ. На оборотной сторонѣ доски собственноручная подпись Высокопреосвященнаго Автоноя, которою онъ свидѣтельствуется, что икона эта писана тѣмъ самымъ живописцемъ, которому явился во снѣ Св. Митрофанъ для показанія своего образа. Празднество иконъ совершается 23-го ноября.

7) Икона Великомученика и Цѣлителя Пантелеймона съ изображеніемъ по сторонамъ его чудесъ, писанная на кипарисовой доскѣ. Послана она въ здѣшній монастырь въ 1871 году изъ Аювскаго русскаго Пантелеймоновскаго монастыря. Еженедѣльно по вторникамъ читается акаѳистъ въ честь святаго.

8) Части свв. мощей, хранящіяся въ вощегѣ, числомъ 15.

9) Икона Божіей Матери Цѣлительницы. Эту икону берутъ къ опасно больнымъ и многіе отъ нея получаютъ исцѣленіе.

10) По прославленіи угодника Божія преподобнаго Серафима перенесенъ въ церковь его большой портретъ, писанный въ Дивѣевскомъ монастырѣ въ 1854 г. по заказу игуменіи Пульхеріи. Преподобный изображенъ идущимъ съ палочкой изъ дальней своей пустыньки; ликъ его совершенно какъ живой. Многіе теперь притекаютъ къ этому образу съ вѣрою и горячею молитвою и получаютъ исцѣленія.

Одинъ разъ въ мѣсяцъ предъ этой иконой бывають водосвятныя молебны, на которыхъ всегда много молящихся.

Вотъ въ краткихъ чертахъ описаніе двухъ главныхъ храмовъ обители. Есть еще небольшая церковь въ новой трапезной, она освящена въ 1899 г. 4-го сентября; въ ней одинъ придѣлъ въ честь Б. М. Скоропослушницы. Церковь маленькая, но замѣчательно уютная, свѣтлая; иконостасъ деревянный рѣзной, но не золоченный; вездѣ чистота поразительная,

какъ повсюду въ монастырѣ. По обѣимъ сторонамъ этой церкви, за рядомъ арокъ, двѣ большія столовыя съ длинными столами, гдѣ и собираются сестры къ обѣду и ужину. Мнѣ приходилось бывать у нихъ здѣсь во время трапезы. На вѣросѣ одна изъ послушницъ читаетъ житія дневныхъ святыхъ; тишина глубокая; сидятъ сначала старшія монахини, потомъ послушницы и бѣлицы. Очень часто со всѣми сестрами здѣсь бываетъ и ихъ настоятельница игуменія Олимпіада.

Кому приходилось когда-нибудь бывать за трапезой монашествующихъ и отвѣдать ихъ пищи, тотъ, я думаю, согласится со мною, что ихъ простой, здоровый столъ кажется въ тысячу разъ лучше и вкуснѣе самыхъ замысловатыхъ поварскихъ кушаній. Все приготовлено чисто, со вниманіемъ, все дѣлается съ благословенія настоятельницы; знаешь, что для сестеръ, готовящихъ кушанья, это не просто „стряпня“, а исполненіе своего „послушанія“, своего долга.

Трапеза въ ея настоящемъ видѣ, когда каждая сестра обители старшая и младшая могутъ ею пользоваться, существуетъ сравнительно очень недавно. Въ 1869 г. была введена въ обители община только для старшихъ монахинь и пѣвчихъ, всего на 60 человѣкъ; остальные всѣ должны были имѣть и свои келліи, и свой столъ. Теперь-же всѣхъ въ обители 320 сестеръ и каждой дается готовое помѣщеніе и трапеза. Конечно, при такой наличности сестеръ и при полной необезпеченности монастыря, нельзя требовать многого: въ одной келліи, на примѣръ, иногда помѣщается 4 и 5 сестеръ, вотъ почему и явилась неотложная нужда въ постройкѣ новаго корпуса, предназначеннаго исключительно для келлій. Быть можетъ, инымъ изъ сестеръ и трапеза кажется слишкомъ простой, однообразной, но гдѣ обители взять средствъ на то, чтобы обставить все много лучше, чѣмъ есть?

Правда, сестры всѣ трудятся; кто въ чему способенъ, тотъ то и работаетъ; но въ такомъ маленькомъ городкѣ мало и сбыта работъ, и трудъ плохо оплачивается.

Есть мастерскія, но такихъ очень не много (живописная, позолотная да золотошвейная), которыя вполнѣ и окупаютъ всѣ расходы на нихъ, и даютъ небольшой чистый доходъ, но во всѣхъ остальныхъ отрасляхъ работъ замѣчается другое: работы оплачиваются дешево, а иныя плохо покупаются, такъ что бывали, на примѣръ, такіе случаи: послушница дала монастырю въ годъ чистаго дохода 5 руб., но вѣдь она за то имѣетъ и готовое помѣщеніе, и столъ, а развѣ то и другое можно оцѣнить въ эту сумму?

А постоянныхъ средствъ къ своему обезпеченію, какъ основнаго капитала, или угодій какихъ-либо доходныхъ монастырь не имѣетъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

„Безгрѣшные люди“.

(Изъ пастырской психологіи).

„Покайтесь (Мѡ. III, 2; Мрк. I, 15.)!“

Молодой батюшка, только-что поступившій на сельскій инородческій приходъ, дѣлился со своимъ пожилымъ товарищемъ, священникомъ того-же села, своими первыми впечатлѣніями изъ пастырской практики.

Батюшка на дняхъ ѣздилъ въ сосѣднюю вотскую деревню напутствовать больного прихожанина—вотяка. Теперь онъ тревожно, съ замѣтнымъ возбужденіемъ, передавалъ опытному собрату о неожиданныхъ затрудненіяхъ, съ которыми встрѣтился при исполненіи пастырскаго долга.

Не можете вы и представить, какъ поразилъ и вмѣстѣ съ тѣмъ опечалилъ меня больной!.., оживленно повѣствовалъ батюшка: вотякъ, почти совсѣмъ обрусѣвшій, говорить хорошо по-русски и, конечно, понимаетъ вполнѣ русскую рѣчь. Объяснить взаимнымъ непониманіемъ другъ-друга то, что пришлось отъ него услышать, — невозможно. А услышать и узнать отъ него пришлось мнѣ поистинѣ неслыханную и невозможную вещь... Мой больной прямо такъ-таки оказался „безгрѣшнымъ“! Послѣ молитвъ, положенныхъ у насъ въ требникѣ, приступилъ я къ исповѣди. Нечего и говорить, что предварительно я познакомился съ больнымъ; спросилъ, какъ зовутъ, чѣмъ боленъ, давно ли, оказалось что-то вродѣ лихорадки, желаетъ-ли исповѣдаться и приобщиться. На то и другое изъявилъ онъ согласіе и какъ-будто искреннее желаніе. Но когда сталъ я предлагать моему больному вопросы, не грѣшенъ ли онъ въ томъ-то и въ томъ-то, получался неизмѣнно одинъ отвѣтъ: „нѣтъ, батюшка, не грѣшенъ!“ Сколько ни пытался я предлагать ему вопросовъ даже ужъ въ такихъ грѣхахъ, въ какихъ повиненъ каждый ребенокъ, все равно, слышалъ одинъ отвѣтъ: „нѣтъ, не грѣшенъ!“... Что было дѣлать? Обратился къ увѣщанію. „Да послушай, милый: какъ же ты все отвѣчаешь: не грѣшенъ, не грѣшенъ; развѣ же можно безъ грѣха прожить? всѣ, вѣдь, мы грѣшны, и я, твой пастырь-священникъ, то-же грѣшенъ, можетъ быть, далеко грѣшнѣе тебя и другихъ... Подумай же, что ты дѣлалъ худого, недобраго, нехорошаго, и покайся! Какъ же мнѣ приобщать тебя, если ты ни въ чемъ не считаешь себя грѣшнымъ предъ Богомъ?..“ Подумалъ-подумалъ больной, сдѣлалъ недовольное, злое лицо и говорить: — „ну, да ужъ грѣшенъ, грѣшенъ... Вотякъ у васъ во всемъ грѣшенъ!“ Въ словахъ вотяка не было искры раскаянія, въ нихъ звучала нота обиды и желаніе отвязаться какъ-нибудь отъ надоѣдливаго приставанія. Боже мой! что я пе-

режилъ и перечувствовалъ въ эти минуты: мучился и терзался я за свою безпомощность и безсиліе, страшно было мнѣ и за эту наивно-нераскаянную душу „безгрѣшнаго“ вотячка!

Пожилой, опытный священникъ сповойно и чуть-чуть не равнодушно выслушалъ экспансивную рѣчь молодого сослуживца. Видимо, въ сообщенномъ фактѣ для него не было ничего поразительнаго и новаго.

— И васъ такъ взволновалъ и опечалилъ этотъ случай, дорогой мой собратъ и сослуживецъ? началъ говорить онъ въ успокоительномъ тонѣ: впрочемъ, такъ и должно быть на первыхъ порахъ; такъ бываетъ съ большинствомъ молодыхъ батюшекъ, только-что повинувшихъ семинарскую скамью. То же было и со мной, вашимъ покорнымъ слугой, въ началѣ служенія. А потомъ опытъ и дѣйствительность, — горькій опытъ и неприглядная сѣрая дѣйствительность заставляютъ нашего брата смотрѣть хладокровнѣе на то, что казалось раньше ужаснымъ, невозможнымъ, просто возмутительнымъ. Но не подумайте, что тутъ выступаетъ на сцену какой-нибудь нравственно житейскій компромиссъ... Въ большинствѣ случаевъ этого нѣтъ; а мириться и уживаться терпѣливо съ нѣкоторыми глубоко-печальными явленіями религіозно-нравственной жизни не только инородца, а иногда и кореннаго русскаго крестьянина, заставляютъ иныя причины. Когда приглядишься внимательнѣе къ жизни, поймешь, какъ глубоко коренятся и широко распространены нѣкоторые крупные недостатки нравственно-религіознаго свойства въ народной средѣ, тогда первый пылъ и негодованіе уступятъ невольно мѣсто честному и убѣжденному стремленію вести съ ними систематическую, постепенную и разумно-разсчитанную борьбу...

Разсказанный вами случай, такъ возмутившій васъ на первыхъ порахъ, относится именно къ явленіямъ подобнаго рода, и, повѣрьте моей долговременой опытности, съ фактами такой наивной «безгрѣшности», упорной нераскаянности придется вамъ встрѣчаться и бороться гораздо чаще, чѣмъ думаете. Много

ли, по вашему, найдется въ любомъ православномъ приходѣ, не говорю уже въ инородческомъ, какъ нашъ, а даже въ коренномъ русскомъ, прихожанъ, съ чуткой, пробужденной совѣстію, искренне, глубоко проникнутыхъ сознаниемъ нравственной отвѣтственности, сердечно и сокрушенно кающихся, скорбящихъ о своихъ грѣхахъ? По горькому пастырскому опыту скажу: очень и очень мало. Правда, такое откровенное заперательство, отрицаніе своей виновности, какое поразило васъ въ больномъ инородцѣ, не часто приходится встрѣчать пастырю-духовнику, особенно въ русскомъ приходѣ; это уже, такъ сказать, типичный случай дѣтской инородческой наивности, упорства и простоты. Но многимъ ли выше съ нравственной стороны почти обычные отвѣты духовныхъ нишихъ чадъ на исповѣди: „всяко бываетъ“, „живучи, какъ не согрѣшишь“, „можетъ, и въ этомъ грѣшенъ“, „съ молодю что не было“ и т. далѣе. Всѣ подобные отвѣты, повторяющіеся, несмотря на наши вразумленія, со стороны однихъ и тѣхъ же лицъ, не доказываютъ ли, что эти люди далеки отъ сознанія глубокаго противорѣчія своей жизни съ высокими требованіями закона Христова. Всѣ они живутъ еще „по стихіямъ міра, а не во Христѣ“, ихъ совѣсть не мучитъ, они довольны вполне своей жизнію, душа ихъ не жаждетъ, не стремится къ высшему христіанскому совершенству. Жизнь ихъ—спокойное, стихійное существованіе, легко укладывающееся въ рамкѣ житейской, практической морали. „Сходитъ на духъ“, исполнить христіанскій долгъ исповѣди побуждаетъ такого „срединнаго“ православнаго человѣка скорѣе требованіе общепринятаго исконнаго обычая, чѣмъ живое, неодолимое желаніе очистить совѣсть, свергнуть тяготящее душу иго грѣховное... И такіе люди въ нашихъ приходахъ составляютъ большинство!.. Встрѣчаются прихожане и другого нравственно-религіознаго настроенія,—это преимущественно старички и старушки, которые могутъ на первый разъ

поразить васъ и утѣшить своей какъ будто глубокой покаянной настроенностію. „Всѣ мы грѣшники“, „охъ, грѣхи наши тяжкіе!“ услышите вы отъ нихъ возгласы, сопровождаемые вздохами, на каждомъ шагу. Но скажу вамъ, по совѣсти, мой дорогой другъ, такое покаянное настроеніе, открытое признаніе своихъ грѣховъ со стороны известной части прихожанъ большею частію поверхностно, происходитъ не отъ глубокихъ упрековъ пробужденной совѣсти, а отъ страха наказанія за формальное нарушеніе уставовъ церкви, за несоблюденіе обрядовыхъ предписаній религіи, часто даже за неисполненіе ходячихъ въ народѣ суевѣрныхъ преданій.. Печально, неутѣшительно, но это такъ!..

Придетъ подобный прихожанинъ на исповѣдь и будетъ съ неподдѣльнымъ сокрушеніемъ самъ говорить вамъ о грѣхахъ, смущающихъ его робкую совѣсть: въ великомъ постѣ поѣлъ съ гостемъ рыбки, выпилъ вина, въ самый Петровъ день убиралъ сѣно, — побоялся сбиравшейся грозы; старушка-хозяйка съ ужасомъ скажетъ, какъ невзначай оскоромилась въ середу, — отвѣдала, кормя внука, молочка, не холодно-ли, сожгла въ печи хлѣбъ... Много подобныхъ грѣховъ повѣдаютъ вамъ на исповѣди старые по преимуществу люди: ясно, что ихъ тревожитъ и смущаютъ больше всего частичныя, внѣшне-формальныя нарушенія обычаевъ, обрядовъ и предписаній церкви. Но совѣсть ихъ не настолько чутка, чтобы смущаться и мучиться глубокимъ разладомъ нашей жизни съ высокимъ требованіемъ закона любви и правды Христовой. Только немногіе изъ нашихъ прихожанъ чувствуютъ и сознаютъ въ душѣ этотъ роковой разладъ, мучатся и сокрушаются о своей грѣховности и горятъ желаніемъ высшаго совершенства. Такихъ истинно „нищихъ духомъ“ въ любомъ приходѣ только десятки!..

Мрачно же, однако, и слишкомъ пессимистически смотрите вы на религіозно-нравственное состояніе нашихъ пра-

вославныхъ приходовъ, — проговорилъ, выслушавъ откровенную рѣчь старшаго собрата по служенію, молодой батюшка: — въ такомъ случаѣ чѣмъ же намъ утѣшаться, гдѣ находить ободреніе въ нашей дѣятельности?

Поживете, послужите, тогда сами убѣдитесь въ правдѣ моихъ словъ. А ободреніе и утѣшеніе намъ только отъ Бога. Терпѣливо, медленно, шагъ за шагомъ совершается наша работа... „Царствіе Божіе нудится и только нуждницы восхищаютъ его“: радоваться и намъ вмѣстѣ съ ангелами приходится о единомъ грѣшникѣ кающемся. И то утѣшеніе священнику, если благодаря его неустаннымъ пастырскимъ заботамъ, проповѣди, одинъ-два человѣка изъ прихода сдѣлаются истинными христіанами.

Долго еще бесѣдовали два сослуживца-священника о важнѣйшей сторонѣ своего пастырскаго служенія. Много услышалъ новаго отъ своего опытнаго сослуживца молодой батюшка, но все это плохо мирилось съ тѣми свѣтлыми, радужными понятіями и представленіями, какія онъ вынесъ о тѣхъ же предметахъ изъ семинаріи.

II.

Послѣ бесѣды оба товарища остались каждый при своихъ убѣжденіяхъ, и если молодой батюшка былъ разочарованъ, то скорѣе всего въ личности и правотѣ взглядовъ старшаго сослуживца. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не заблужденіе, не явное преувеличеніе обвинять нашъ православный народъ въ малоразвитости, грубости и косности нравственнаго чувства, утверждать, что масса его живетъ „стихійной жизнью“, ни мало не тревожимая дремлющей, не пробужденной совѣстію, тупо — самодовольно? И это можетъ утверждать пастырь-священникъ, прожившій больше полжизни съ народомъ!.. Нѣтъ, тутъ есть какія-нибудь постороннія причины и обстоятель-

ства, которыя привели моего сослуживца къ такому несправедливому, мрачному взгляду на нашъ бѣдный народъ: быть можетъ, неудачно сложившіяся отношенія къ прихожанамъ или — природный пессимизмъ. Развѣ же не извѣстны каждому изъ насъ иныя совсѣмъ, чудныя свойства простой, православной русской души: христіанское смиреніе нашего народа, исконная тоска его по правдѣ Божіей, исканіе святости, подвиговъ, преклоненіе предъ великими носителями правды Божіей и, наконецъ, страстное стремленіе избавиться отъ скверны грѣховной. Обо всемъ этомъ много и краснорѣчиво писалось и пишется у насъ въ духовной и свѣтской литературѣ. Лучшіе писатели, знатоки души народной, какъ на примѣръ Достоевскій, изобразили въ безсмертныхъ произведеніяхъ высокія истинно-христіанскія свойства и порывы православнаго русскаго народа. Что же, ужели всѣ они ошибались и въ своихъ твореніяхъ изображали то, чего нѣтъ въ дѣйствительности, и преклонялись предъ измышленіемъ собственной фантазіи? Но нѣтъ, этого быть не можетъ; и современные факты и проявленія духовной жизни нашего народа говорятъ въ пользу реальности и правды художественныхъ изображеній свойствъ народной души. Иначе, откуда могли возникнуть эти непрерывныя, массовыя поломничества народа въ Кронштадтъ къ о. Іоанну, совершаемыя именно съ цѣлію духовнаго обновленія, умирненія мятущейся, томимой грѣхомъ совѣсти; или это, чудное, всенародное паломничество въ Саровъ, къ мощамъ новоявленнаго угодника Божія Серафима? Ясно, — въ неутѣшительномъ, мрачномъ взглядѣ на духовное состояніе народа, которое только что высказалъ мой старшій собратъ, кроется роковая ошибка, и нѣтъ основаній намъ, пастырямъ, предаваться малодушію и скорбнымъ думамъ объ упадкѣ христіанскаго самосознанія въ нашемъ народѣ!..

Такъ ободрялъ себя молодой батюшка, полный энту-

зіазма и вѣры въ народъ, отгоняя отъ себя тревожныя, невеселыя, думы, вызванныя напутствіемъ прихожанина — инородца и бесѣдой съ товарищемъ. Въ иномъ направленіи рабстала мысль опытнаго, пожилаго священника, когда онъ проводилъ пылкаго, увлекающагося свѣтлыми, радужными мечтами сослуживца, котораго онъ полюбилъ съ первыхъ же поръ за его искренность, за его молодую, беззавѣтную вѣру во все доброе и свѣтлое въ людяхъ, за его юношеское увлеченіе высокимъ пастырскимъ призваніемъ. Какъ жаль, — думалъ онъ, что на первыхъ же порахъ этотъ несчастный случай съ инородцемъ встревожилъ и смутилъ моего добраго, славнаго собрата, а я своими откровенными рѣчами еще усилилъ непріятное, тягостное впечатлѣніе, вынесенное имъ изъ перваго опыта пастырской практики!.. Но что же мнѣ было дѣлать, и могъ ли я, поступая честно и искренне-побратски съ товарищемъ, скрыть отъ него горькую правду неподкрашенной дѣйствительности? Не лучше ли и не полезнѣе ли для нашего труднаго пастырскаго дѣла открыть сразу же глаза на эту дѣйствительность, чѣмъ оставлять неопытнаго человѣка въ пріятномъ заблужденіи, предоставляя самому горькимъ опытомъ узнавать то, что необходимо знать каждому изъ насъ... И вспомнилась тутъ пожилому батюшкѣ собственная молодость, первые неувѣренные шаги на поприщѣ пастырскаго служенія. Живо представилъ онъ, какъ въ то время преисполненъ былъ свѣтлыхъ надеждъ и вѣры въ успѣхъ предстоящей дѣятельности. Программа этой дѣятельности, правда широкая, казалась тогда ясной и опредѣленной, и не предвидѣлось къ ея выполненію неодолимыхъ препятствій. Воспринять въ свою пастырскую душу смиренную, вѣрующую душу народа — Богонссца, готоваго взять на себя покаянный подвигъ по указанію своего духовнаго отца; быть руководителемъ, духовнымъ пѣстуномъ этого простого, искони православнаго народа на пути къ духовному совершенству:

какая это великая, святая и сладостная задача для пастыря!.. Слѣдуетъ только пастырю съ любовью приняться за дѣло, не отдалять, а приблизить къ себѣ этихъ простыхъ людей, и они, чуткіе, отзывчивые послушно пойдутъ за нимъ. Такъ думалось на основаніи идеальныхъ обобщеній, которыя дала духовная школа; но дѣйствительность на каждомъ шагу приводила къ разочарованію. Почти полное отсутствіе въ прихожанахъ высшихъ религіозно-нравственныхъ запросовъ, равнодушное отношеніе къ вопіющимъ нарушеніямъ христіанскихъ требованій любви и правды, наряду съ ужасомъ и трепетомъ предъ нарушеніемъ буквы и сверхъ всего подавленность матеріальной стороной существованія безъ замѣтныхъ порывовъ къ обновленію и освященію своей грѣшной, порочной жизни.. Да гдѣ же, однако, этотъ народъ — Богоносецъ, — приходилъ на мысль самъ собою неотвязный вопросъ: гдѣ этотъ простой, смиренно вѣрующій русскій человѣкъ, умѣющій сохранить высшую красоту своего нравственнаго облика даже среди нравственнаго униженія и паденія, тоскующій по правдѣ Божіей, по высшемъ совершенствѣ? Его, на первыхъ порахъ, не оказывалось, и только позднѣе, при тѣсномъ сближеніи съ приходомъ, при глубокомъ проникновеніи въ народную жизнь, выпадало рѣдкое, истинно пастырское счастье открыть, обрѣсти, какъ чудный алмазь въ тусклой, проржавленной мишурѣ, живую христіанскую душу съ чуткой, просвѣщенной совѣстью, съ искреннимъ порывомъ къ лучшей святой жизни среди массы человѣческихъ существованій, безсознательно, равнодушно утопающихъ въ грѣхѣхъ и не сознающихъ потребности обоновленія...

Такъ сама жизнь и пастырская практика способствовали разрушенію идеально-книжныхъ представленій, и цѣль служенія, ея задачи приняли иное направленіе. Борются съ религіозно-нравственной косностью прихода, будить дремлющую совѣсть прихожанъ, выводятъ ихъ постепенно, но упорно и

настоячиво, изъ этого пагубнаго, стихійнаго состоянія безразличія по отношенію къ религіозно-нравственнымъ вопросамъ:— вотъ въ чемъ должно состоять наше пастырское дѣло! Не въ „готовомъ“, такъ-сказать, пришедшемъ уже въ силѣ, царствѣ Божіемъ призванъ пока жить и дѣйствовать у насъ пастырь-священникъ; нѣтъ, онъ долженъ содѣйствовать еще его „созиданію“, воспитывая упорнымъ трудомъ изъ коснѣющихъ въ грѣхѣ прихожанъ истинныхъ чадъ Царства Божія. Въ этомъ-прямая задача пастырства, его жизненная, плодотворная цѣль! И нѣтъ для насъ ничего пагубнѣе, вреднѣе для нашей дѣятельности, какъ, закрывъ глаза на мало-отрадную дѣйствительность, опочить, успокоиться находячемъ, идеально-теоретически сложившемся представленіи о нашемъ народѣ, какъ достигшемъ вершинъ религіозно-нравственнаго пониманія и совершенства. Положимъ, въ идеализаціи нашего православнаго простого народа скрыта глубокая историческая и психологическая правда; всѣ свойства, приписываемыя ему идеализаторами и поклонниками его, какъ носителя высшихъ христіанскихъ завѣтовъ, принадлежатъ ему неотъемлемо. Но вредно и губительно для нашей дѣятельности принимать это книжное, идеализированное представленіе о народѣ за самую дѣйствительность и, не замѣчая ея темныхъ сторонъ, предаваться успокоительнымъ, радужнымъ мечтамъ. Вотъ освободить съ первыхъ же шаговъ отъ подобнаго ослѣпленія и хотѣлъ я молодого собрата своими откровенными рѣчами: пусть сразу узнаетъ, среди кого предстоитъ ему жить и дѣйствовать и направить свою дѣятельность въ надлежащую сторону. Знаю, трудно разстаться съ мечтами юности, и, вѣрно, не согласенъ остался онъ съ моими мнѣніями, — видимо недовольнымъ ушелъ отъ меня... Но какъ быть?— Откровенное слово заставитъ его внимательнѣе взглянуть съ этой стороны на своихъ прихожанъ и скорѣе убѣдитъ въ справедливости мною высказаннаго А для

начинающаго пастыря имѣть правильное, вѣрное понятіе о состояніи своего прихода—первый залогъ успѣшной и плодотворной дѣятельности!...

Такъ размышлялъ пожилой, опытный батюшка по уходѣ своего юнаго собесѣдника, стараясь оправдать свои откровенныя, суровыя рѣчи, которыя могли внести временное смущеніе и разладъ въ душу молодого, идеально настроеннаго товарища. И какъ уже знаетъ читатель, правда, высказанная старшимъ священникомъ, дѣйствительно, отозвались горькимъ диссонансомъ на настроеніи младшаго.

Ш.

Пастырскій, интимный разговоръ двухъ сослуживцевъ—священниковъ и сокровенныя думы ихъ, вызванныя разговоромъ, должны навести на серьезныя размышленія каждаго пастыря, внимательно, серьезно относящагося къ своему дѣлу. Думается, вопросы, касающіеся состоянія совѣсти современнаго русскаго общества, съ низшихъ и до высшихъ слоевъ, могли бы считаться одними изъ главныхъ вопросовъ пастырскаго служенія.

Каждый изъ насъ, пожилыхъ русскихъ приходскихъ священниковъ, согласится, что фактъ полнѣйшей нераскаянности, „безгрѣшности“, такъ поразившій молодого, неопытнаго священника, вовсе не является рѣдкостію въ пастырской практикѣ; равно, нельзя не согласиться и съ мнѣніемъ его опытнаго сослуживца, что очень и очень многіе изъ православныхъ простыхъ русскихъ людей живутъ „стихійною жизнію“ руководствуясь въ своихъ поступкахъ требованіями общечеловѣческой морали, ни мало не сознавая нравственной отвѣтственности и вины предъ совершенными, возвышенными требованіями закона евангельскаго. И живутъ такъ люди изо-дня-въ-день, изъ-года-въ-годъ, не тревожимые

совѣстію, безъ мысли о томъ, насколько согласна ихъ жизнь съ завѣтами евангелія. Только особенныя обстоятельства, исключительные случаи въ ихъ жизни выдають сразу ихъ нравственную несостоятельность. Роковое недоразумѣніе въ семьѣ, соблазнъ легко и безнаказанно поживиться чужой собственностію, неудержимое желаніе удовлетворить своей неизменной страсти: и такой „стихійный человѣкъ“, не имѣя сдерживающей силы въ своей непробужденной совѣсти, сразу обнаруживаетъ свою нравственную несостоятельность, является преступникомъ закона не только божескаго, но и человѣческаго. Стоитъ только прослѣдить хронику судебныхъ дѣлъ и процессовъ, которыми наполнены и заняты у насъ соотвѣтствующія учрежденія, чтобы убѣдиться, что большинство ихъ возникаетъ именно на почвѣ нравственной неустойчивости, широко распространенной не въ однихъ низшихъ слояхъ общества...

Но если такими явно печальными послѣдствіями отзывается на общественно-житейскихъ отношеніяхъ недостатокъ развитія нравственнаго самосознанія нашего народа, не исключая и высшихъ слоевъ общества, то какъ же пагубно долженъ отразиться въ религіозной сферѣ этотъ роковой, только теперь замѣчаемый, но давно коренящійся въ насъ и развѣдающій нашу жизнь, недостатокъ?... Будемъ искренни и не скроемъ отъ самихъ себя предстоящей опасности: если пастыри церкви не обратятся своевременно къ своей православной паствѣ, — будетъ ли она состоять изъ простыхъ деревенскихъ прихожанъ, или интеллигентнаго городского общества, съ энергичнымъ, пророческимъ словомъ: „покайтесь!“ — то развивающійся нравственный индеферентизмъ можетъ въ конецъ подорвать животворную, спасительную силу православія.

„Покайтесь!“ — съ этого слова началъ свою подготовительную къ встрѣчѣ Спасителя проповѣдь Предтеча Господень Іоаннъ; „покайтесь и вѣруйте въ евангеліе“, — вѣщаль Самъ

Господь въ началѣ Своего благовѣстія... Сознаніе своей грѣховности, ужасъ предъ нравственнымъ безсиліемъ, порочностію своей падшей природы Господь поставлялъ первымъ, необходимымъ условіемъ жизненнаго, плодотворнаго усвоенія евангелія. Въ этомъ его смыслъ и конечная цѣль: человѣкъ по природѣ грѣшникъ; Сынъ Божій пришелъ оправдать, спасти заблудшаго, взять его вину на себя, если онъ сознаетъ ее, покается. Сознаніе со стороны человѣка грѣховъ— движущая сила къ совершенству, шагъ ко Христу за помощію, за оправданіемъ. И чѣмъ глубже усвояется человѣкомъ евангеліе, тѣмъ сильнѣе, интенсивнѣе становится въ немъ чувство сознанія своего крайняго несовершенства, грѣховности своей падшей природы: отсюда покаянные вопли великихъ святыхъ и подвижниковъ, запечатлѣнные ими въ чудныхъ молитвахъ. Изъ того же спасительнаго источника изливаются покаянныя чувства и мысли современнаго намъ великаго христіанина о. Іоанна Кронштадтскаго, особенно ярко выражаемая имъ въ послѣднихъ его дневникахъ и поученіяхъ.

Потому-то, если сила, интенсивность покаяннаго чувства какъ въ отдѣльномъ человѣкѣ, такъ и въ обществѣ, служатъ показателемъ высоты христіанскаго самосознанія и жизненнаго усвоенія нами спасительныхъ началъ евангелія, то не должны ли мы, пастыри, печалиться при наблюдаемомъ нынѣ повсюду у насъ, и въ народѣ и въ образованномъ обществѣ, упадкѣ этого спасительнаго чувства и заботиться о его пробужденіи? Да, если хотимъ сохранить жизненнымъ и плодотворнымъ наше исконное православіе вѣру Христову, эту великую силу земли Русской, спасавшую и спасающую ее отъ бѣдъ и напастей, то намъ необходимо направить свою дѣятельность именно въ эту сторону. Думается, на ослабленіе дѣятельности духовенства въ этомъ направленіи, помимо идеальныхъ представленій о крѣпости и исторической силѣ православія русскаго народа, заслоняющихъ отъ неопытнаго

взора печальную дѣйствительность, не мало повліяло „піетически-сентиментальное“ вѣяніе, замѣчаемое въ нашей правоучительной литературѣ и односторонне-оптимистическій взглядъ на человѣческую природу и на дѣло спасенія. Въ самомъ дѣлѣ, вчитайтесь въ современную нашу, широко развившуюся, правоучительную литературу въ видѣ народныхъ листковъ, журналовъ, отдѣльныхъ популярныхъ книгъ и книжекъ, поучающихъ доброй, христіанской жизни,—вы замѣтите одинъ доминирующій тонъ: легкость совершенія добра, общедоступность, такъ сказать, добродѣтели. О внутренней, духовной борьбѣ ветхаго человѣка съ требованіями Христовой правды, Его евангелія нѣтъ и помина: добродѣтельныя прачки, благотворительныя дворники, самоотверженные работники на благо человѣчества непрерывной вереницей дефилируютъ предъ вами. Боже, да какъ же легко сдѣлаться человѣку хорошимъ, добрымъ; и отчего не всѣ дѣлаются такими? Невольно приходитъ на мысль, при чтеніи подобной литературы... Въ весьма значительной степени тѣмъ же излишне оптимистическимъ направленіемъ, замалчивающимъ, положимъ, безсознательно, — существенную сторону христіанскаго вѣроученія — трудность достиженія царствія Божія, отличается и наша проповѣдническая литература послѣдняго времени. Современная проповѣдь, обращенная ли къ народу, или къ интеллигенціи, — полна злободневнымъ элементомъ, она бьетъ, такъ сказать, на тѣ чувства и мысли, которыя въ данный моментъ владѣютъ слушателемъ. Но часто ли въ современной проповѣди встрѣтите вы спокойное раскрытіе догматическаго ученія, изображеніе безсилія, грѣховности человѣка, открытое, суровое обличеніе и призывъ къ покаянію такой же грозный и суровый, какъ проповѣдь крестителя Іоанна? Подобныя спасительныя рѣчи исходятъ нынѣ лишь изъ немногихъ устъ, каковы уста безстрашнаго обличителя современнаго упадка вѣры и благочестія о. Іоанна Кронштадтскаго.

Однако, не пора-ли всѣмъ намъ, пастырямъ великаго православнаго стада Христова, церкви русской, во всеоружіи евангелія правды выступить съ горькой, но спасительной проповѣдію покаянія. Не будемъ сами впадать въ самообольщеніе, предаваясь суетнымъ мечтамъ о крѣпости и несокрушимостя исконнаго русскаго православія и благодѣстія; обратимъ скромно и смиренно вниманіе на неприглядную русскую дѣйствительность и поднимемъ по градамъ и весямъ спасительный пастырскій ключъ: „покайтесь, вѣруйте въ евангеліе“.

Это—наша современная главная задача, въ этомъ наше пастырское призваніе! Беззаконіе, нераскаянность, притупленность нравственнаго чувства усиливается въ обществѣ; „безгрѣшные люди“, нераскаянные грѣшники должны подвигнуть насъ придти къ нимъ на помощь и спасти ихъ отъ гибели. А они множатся и множатся въ нашемъ русскомъ православномъ обществѣ: поспѣшимъ же съ благодатными средствами на спасеніе погибающихъ!

А. В. С.

Разныя извѣстія.

О цѣлесообразной постановкѣ вопросовъ при исповѣди крестьянъ. — Кающійся псалмопѣвецъ говоритъ: беззаконіе мое азъ знаю и грѣхъ мой предъ мною есть выну (50,5). Онъ знаетъ свои грѣхи, потому что ему открыты чудеса закона Господня (118,18). Подобно сему, и всякій человекъ тогда только можетъ сознать свои грѣхи и исповѣдать ихъ Господу Богу, когда будетъ разумѣть заповѣди закона Божія и сличать съ ними свою жизнь и свои дѣла. Посему и прихожане тогда только будутъ давать вамъ на исповѣди разумные и искренніе отвѣты о своемъ нравственномъ состояніи, когда будутъ со-

держатъ въ постоянной памяти тѣ нравственныя правила, которыми должна управляться ихъ жизнь. Въ виду этого должно при всякомъ случаѣ, повторять имъ принаровленное къ ихъ жизни и доступное ихъ разумѣнію краткое изложеніе десятословія.

Большое значеніе для истозаго и прочувствованнаго совершенія исповѣди имѣетъ правильная постановка вопросовъ исповѣдающемуся.

По видимому, первый вопросъ, который пастырѣ долженъ сдѣлать исповѣднику, могъ быть такой: „скажи, какъ ты долженъ былъ помнить и бояться Господа Бога?“

Нужно сказать, что выраженія: какъ ты помнилъ, какъ ты уважалъ, какъ ты берегъ кого либо — означаютъ на языкѣ простонародья: въ чемъ ты выказывалъ свое памятованіе, свое уваженіе, свою заботливость? Поэтому вопросъ: какъ ты долженъ былъ помнить Господа Бога? — значитъ: въ какихъ дѣлахъ должно было выражаться твое памятованіе о Богѣ? Въ худшемъ случаѣ прихожанинъ дастъ на этотъ вопросъ отвѣтъ неопредѣленный; онъ не сумѣетъ пересказать тѣхъ правилъ христіанской жизни, которыя отнесены у насъ къ первой, второй и третьей заповѣдямъ. Тогда пастырѣ самъ долженъ снова повторить ему эти правила. Для чего? Для того, чтобы приготовить почву для слѣдующаго вопроса. Этотъ вопросъ долженъ быть такой: „Теперь скажи, что и когда ты дѣлалъ *не такъ*?“ Послѣ отвѣта исповѣдника дальнѣйшій вопросъ духовника долженъ быть слѣдующій: „Скажи, какъ ты долженъ былъ проводить время въ будни и какъ въ праздникъ (въ будни работать, а въ праздникъ)?“ Послѣ отвѣта на сей вопросъ, самостоятельнаго или подсказаннаго, снова слѣдуетъ вопросъ: „Теперь скажи, что ты дѣлалъ *не такъ*?“ Послѣ отвѣта на сіе слѣдуетъ вопросъ: „Какъ ты долженъ былъ жить въ своей семьѣ?“ И вслѣдъ за тѣмъ вопросъ: „А что ты дѣлалъ *не такъ*?“ Далѣе слѣдуетъ вопросъ: „Какъ ты долженъ былъ жить съ прочими людьми?“ Этотъ вопросъ требуетъ сложнаго отвѣта, обнимающаго четыре заповѣди:

шестую, восьмую, девятую и десятую. Для того, чтобы правильно отвѣчать на этотъ вопросъ, едва ли не всѣ будутъ нуждаться въ подсказываніи священника. Но это еще не бѣда, лишь бы приготовить основаніе или почву для вопроса: „что же ты когда нибудь сдѣлалъ, сказалъ или подумалъ не такъ?“ Такъ же должно спрашивать и о чистотѣ, предписанной седьмою заповѣдью.

Когда Предтеча Христовъ Іоаннъ совершалъ надъ жителями іудейской страны крещеніе покаянія, то крещаемые, во первыхъ, исповѣдали грѣхи свои, а во вторыхъ—спрашивали Іоанна, какъ имъ поступать, и получили на это отвѣты (Лук. 3, 10, 12, 14). Подобнымъ образомъ и въ таинствѣ покаянія, совершаемомъ въ Христовой церкви, должно быть не только исповѣданіе грѣховъ со стороны кающагося грѣшника, но и указаніе пути ко спасенію со стороны священника, свидѣтельствующаго покаяніе. Вотъ почему духовникъ, испытывая совѣсть исповѣдника, не можетъ отказывать ему въ повтореніи правилъ христіанской жизни и нравственности.

Могутъ возразить, что прихожане, несмотря на свою неразвитость, различаютъ, что христіанствомъ дозволяется и что нѣтъ, что въ нравственномъ отношеніи хорошо, и что дурно. Можетъ быть и такъ. Но если способность различенія основывается не на ясныхъ нравственныхъ понятіяхъ, не на точномъ знаніи заповѣдей Божіихъ, а на общемъ нравственномъ чутьѣ, тогда она не можетъ служить человеку надежной основой для вѣрной оцѣнки, равно какъ и для вѣрнаго воспроизведенія своихъ прежнихъ дѣлъ, словъ и помысловъ и можетъ служить основаніемъ только для общаго сознанія грѣховности, которое выражается словами: „во всемъ грѣшенъ“. (Составлено по „Руков. для сельск. пастырей“).

Опытъ упорядоченія дѣла исповѣди. — На пастырскихъ собраніяхъ въ Москвѣ рѣшался весьма важный вопросъ о

томъ, какъ ускорить исповѣдь въ тѣхъ случаяхъ, когда въ одинъ день къ священнику приходитъ желающихъ исповѣдаться 300—500 и болѣе человекъ. Оказывать многимъ въ исповѣди и оставлять ихъ до другого дня, т. е. недѣли поста не всегда возможно; всю массу исповѣдать какъ должно — нѣтъ времени и физической возможности; вести исповѣдь небрежно — не позволяетъ совѣсть; вести „общую“ исповѣдь, подобно о. Іоанну Кронштадтскому можетъ и рѣшится далеко не всякій священникъ, потому что о. Іоаннъ одинъ у насъ. Какъ же быть? Вопросу этому посвящено было нѣсколько собраній, при чемъ каждый священникъ предварительно дома обстоятельно и на основаніи всѣхъ данныхъ рѣшалъ этотъ вопросъ. Но изъ всѣхъ предложенныхъ іереями способовъ рѣшенія этого вопроса, по нашему мнѣнію, заслуживаетъ вниманія слѣдующій.

„Одинъ священникъ предложилъ на основаніи своей практики такое средство для ускоренія исповѣди. Прежде чѣмъ начать исповѣдывать каждаго, священникъ велъ со всѣми говѣющими бесѣды, главнымъ образомъ, конечно, о тайнствѣ покаянія и тѣмъ подготовлялъ въ нихъ соотвѣтствующее настроеніе. А въ самый день исповѣди священникомъ практиковалось нѣчто въ родѣ общей исповѣди: по порядку заповѣдей Закона Божія, заповѣдей о блаженствахъ и нагорной проповѣди приводились на память исповѣдующихся всѣ грѣхи, при чемъ изображался вредъ этихъ грѣховъ для души и средства къ исправленію ихъ. Во время такихъ бесѣдъ каждый могъ углубиться въ себя, на сколько онъ причастенъ къ тому или другому грѣху и мысленно въ душѣ раскаяться если сознавалъ себя виновнымъ.

Послѣ такой бесѣды, которая выслушивается всѣми съ глубокимъ вниманіемъ, а нѣкоторыми и со слезами; всѣ грѣхи приведены на память, явилось уже покаянное чувство. Поэтому продолжительность частной исповѣди, съ разрѣшеніемъ грѣховъ сокращается весьма значительно. Обыкновенно под-

ходить кающійся и объявляетъ: „во всѣхъ грѣхахъ, которые ты, батюшка, пересчитывалъ, я грѣшенъ, только вотъ не дѣлалъ такихъ-то грѣховъ“. Или такъ: „во всемъ, батюшка, я грѣшенъ, да еще и вотъ въ чемъ согрѣшилъ, вотъ что мучить меня“, и открываетъ особенные грѣхи, только имъ совершенные.

Благодаря таковымъ бесѣдамъ и особенно бесѣдѣ предъ исповѣдью, достигается двойная польза: исповѣдникъ глубже вникаетъ въ свою душу и покаяется, а у священника сохранится много времени: не придется повторять одни и тѣ-же вопросы и выслушивать одни и тѣ-же отвѣты.

Такое средство облегчить трудъ священника при исповѣди сотенъ людей обратило на себя вниманіе всѣхъ іереевъ, какъ практически весьма полезное.

Дѣйствительно, средство прекрасное. Но тутъ, очевидно, все дѣло въ томъ, чтобы *хорошо подготовить* массу говѣльщиковъ къ великому таинству. А это требуетъ отъ священника также и большого труда и дарованій и главное — пастырской любви, ревности и вообще *идейности*. (Сокращ. изъ „Полоцк. Еп. Вѣд.“ 1904 г. № 7—8).

Крестъ на груди священника. — „Крестъ Христовъ долженъ быть нашимъ отличіемъ не столько на персяхъ и на сердцѣ, сколько въ персяхъ и въ сердцѣ“ (Филаретъ, митроп. Моск.). — Какъ видимое внѣшнее отличіе своего іерейскаго сана всѣ священники должны носить поверхъ одежды на груди изображеніе креста Христова или такъ называемый наперсный крестъ. Но когда я возлагаю на себя этотъ крестъ, что-то всегда вопіетъ изнутри: „на какую грудь, на какое сердце возлагаешь? Смотри, какого свидѣтеля берешь всѣхъ своихъ словъ, всѣхъ своихъ дѣлъ, cadaго движенія, cadaго біенія твоего сердца! Что хочешь показать людямъ такою близостью къ тебѣ креста Христова? — Не то ли, что имъ можно пренебрегать, приравнивая его къ суетнымъ украшеніямъ одежды?

Не то ли, что мы все можемъ обратитьъ въ суету, въ орудіе презрѣннаго и гнуснаго тщеславія?

Когда я возлагаю на себя свой іерейскій наперсный крестъ, не долженъ ли я вспомнить слова ап. Павла: „выйдемъ къ Нему за станъ, нося Его поруганіе, ибо не имѣемъ здѣсь постояннаго града, но ищемъ будущаго“. (Евр. XIII, 13 и 14). „Выйди за станъ“. Выйди, отрѣшись отъ интересовъ житейскій толкучки: вѣдь мы слуги того царства, которое „не отъ міра сего“. Есть интересы житейскіе, житейское попеченіе, но есть и интересы душевнаго спасенія, интересы небесные. Можетъ быть, эти неземные интересы многимъ покажутся странными, и мы ревнители ихъ будемъ предметомъ ропота; можетъ быть, мы будемъ предметомъ недовольства и даже презрѣнія, озлобленія; тогда вспомнимъ „Его поруганіе“.

Это „поруганіе“ всегда предъ моими глазами. Богъ Онъ на крестѣ обнаженный... какой контрастъ съ моею нарядностью! Руки и ноги пробиты гвоздями... Онъ возлюбилъ сущихъ своихъ, до конца возлюбилъ насъ... Какой контрастъ со мною! Изнурилъ ли я себя на дѣлъ Господнемъ? Готовъ ли всегда и всячески послужить людямъ Божіимъ? Вотъ Онъ на крестѣ, на моемъ наперсномъ крестѣ, обнаженный, обнищавшій насъ ради.., а я?... я занятъ заботами объ обезпеченіи, о матеріальномъ обезпеченіи, да и служу то Христу потому, что это служеніе достаточно оплачивается.

„Носить поруганіе Христово“... но уразумѣлъ ли я это „поруганіе?“... знаетъ ли душа моя всю высоту цѣны его, всю глубину и пространство любви Христовой въ этомъ „поруганіи?“ О, если бы мой наперсный крестъ всегда, когда я возлагаю его на себя, трогалъ мое сердце и умилялъ мою душу, и этимъ святымъ умиленіемъ ежедневно освящалась бы душа моя!

И еще вспоминаю я, возлагая на себя наперсный крестъ... вспоминаю слова апостола Петра: „отойди отъ меня, Господи, потому что я человѣкъ грѣшный.“ Св. Петръ пришелъ въ ужасъ, когда душа его уразумѣла, Кто рядомъ съ нимъ сидитъ

въ его лодкѣ. А я сознаю ли, Кто со мной? Правда Онъ милосердъ, и я долженъ радоваться, что Онъ со мной. Но страшно то, что я, нося на своей груди крестъ, забываю, что Распятый находится на моей груди. Это видятъ всѣ, видятъ и въ правѣ ожидать отъ меня только того, что можно слышать отъ человѣка столь близкаго къ Господу. Но то-ли видятъ и слышатъ?

И еще слышу голосъ Самого Иисуса Христа: „маловѣрный! зачѣмъ ты усумнился?“ Это голосъ ко мнѣ, когда я боюсь возлагать на себя крестъ Христовъ. „Я знаю всѣ твои немощи, говоритъ мнѣ Господь, знаю, кто и какой ты, но мнѣ не нужна твоя сила, нужно отъ тебя одно... Любишь ли ты Меня?“ — Господи! Ты все знаешь, знаешь, что есть въ моемъ сердцѣ, знаешь, что я люблю Тебя. Ты знаешь, что моя любовь слаба и непостоянна. Но, Господи, я хочу любить Тебя! Ты Самъ утверди меня въ любви Твоей, Едине Человѣколюбче! (Изъ „Приходск. жизни,“ сентябрь 1904 г.)

О важности и пользѣ общенароднаго пѣнія въ церкви. — Желательно общее пѣніе въ церкви, прежде всего, для того, чтобы путемъ такого пѣнія молящіяся въ храмѣ могли удобнее возносить молитву Богу едиными усты и единымъ сердцемъ. Когда всѣ будутъ по возможности участвовать въ такомъ церковномъ пѣніи, то молитва вѣрующихъ будетъ сильнѣе. Это потому, что, участвуя въ пѣніи, молящіяся избавятся, прежде всего, отъ грѣха разсѣянности. На первыхъ порахъ желательно, чтобы всѣ, по возможности, участвовали въ пѣніи самыхъ важныхъ пѣснопѣній. Таковы въ обѣднѣ пѣснопѣнія — Символь вѣры, молитва Господня и „Достойно есть.“ Эти молитвы и пѣснопѣнія необходимо знать наизусть каждому христіанину. Когда-же всѣ предстоящія въ храмѣ: мужчины, женщины, дѣвицы и учащіяся будутъ подпѣвать эти молитвы, то легко и свободно будетъ впечатлѣваться въ памяти ихъ то, что поется.

О сильномъ благотворномъ дѣйстви общаго пѣнія на души молящихся можно имѣть понятіе особенно изъ примѣровъ древней церкви. Въ древней церкви всѣ почти пѣснопѣнія богослуженія исполнялись или пѣлись всѣми молящимися въ храмѣ. И не одни только сердца христіанъ умилялись этимъ пѣніемъ. Даже сердца враговъ христіанъ, неожиданно для нихъ самихъ, смягчались и побѣждались, когда приходилось имъ слышать, какъ пѣли въ храмѣ всѣ молящіеся христіане. Такъ, однажды врагъ св. Василя Великаго императоръ Валентъ, въ праздникъ Богоявленія Господня, пришелъ со своею свитою въ храмъ, гдѣ служилъ св. Василій Великій. Народу въ храмѣ было очень много. Всѣ пѣли вмѣстѣ. Стройное пѣніе подобно грому раздавалось отъ множества голосовъ. Во всемъ и вездѣ былъ строгій порядокъ. Во св. алтарѣ и предъ нимъ были болѣе ангельскія, чѣмъ человѣческія служенія и благолѣпіе. Св. архіерей Василій Великій стоялъ впереди величественно, какъ царь среди своего народа. И что-же? Врагъ Василя Великаго пришелъ въ великое умиленіе отъ этого пѣнія, такъ что не могъ оно ничему уподобить. Пришелъ насмѣяться и оскорбить св. Василя Великаго и христіанъ, но, напротивъ, самъ со слезами и умиленіемъ выслушалъ чудное пѣніе христіанъ. Онъ хотѣлъ даже предложить дары для жертвенника, но никто не коснулся ихъ, боясь нарушить порядокъ и помѣшать стройному пѣнію. Вотъ на какой стелени развитія стояло всенародное общее пѣніе у христіанъ древней церкви. Вотъ какое единодушіе было въ богослуженіи у первыхъ христіанъ. У нихъ — у пастырей и паствы — были сердце и душа едины.

Наконецъ, общее пѣніе въ церкви есть дѣло весьма благотѣльное для самихъ поющихъ. Изъ житія святыхъ видно, что пѣніе это угодно и пріятно Самому Богу, и что Пресвятая Богородица оказываетъ милость свою тѣмъ, кто поетъ въ церкви. Такъ, однажды преп. Нифонтъ было слѣдующее видѣніе. Видеть преп. Нифонтъ, что входитъ въ церковь Божія Матерь.

Съ ней два ангела. Ангелы, по желанію Божіей Матери, надѣвають вѣнцы на молящихся. На тѣхъ, которые поютъ, надѣли вѣнцы золотые, а на непоющихъ—серебряные. Изъ этого преп. Нифонтъ заключилъ, что Богу болѣе угодны и пріятны изъ молящихся въ храмѣ тѣ, которые поютъ, чѣмъ тѣ, которые не поютъ. Еще примѣръ. Въ житіи св. преп. Аѳанасія Аѳонскаго находится такое сказаніе. Одинъ изъ учениковъ преп. Аѳанасія, по имени Матвѣй, увидалъ, что въ церковь вошла нѣкая жена, облеченная небесною славою и честію. Съ ней шли два юноши, въ бѣлыхъ, какъ снѣгъ, одеждахъ. Одинъ юноша освѣщаль путь, а другой сопутствовалъ ей. И вотъ эта жена, подошедши къ клиросу, одѣлила всѣхъ поющихъ на немъ по золотой монетѣ. Тѣхъ же, которые пѣли въ притворѣ—по 6 серебряныхъ монетъ. Благоговѣйный Матвѣй получилъ 6 серебряныхъ монетъ, потому что онъ подпѣвалъ въ притворѣ. Когда видѣніе кончилось, Матвѣй пошелъ къ преп. Аѳанасію и рассказалъ ему о всемъ видѣнномъ. Послѣ этого и самъ Матвѣй сталъ становиться съ поющими на клиросѣ. съ позволенія на пр. Аѳанасія. (Сокращ. по „Тульск. Еп. Вѣд.“ 1904 г. № 18).

Изъ пастырской дѣятельности.—Одинъ священникъ рассказываетъ въ „Извѣстіяхъ по Спб. епархіи“, какъ онъ завелъ порядокъ среди богомольцевъ при церковномъ богослуженіи. Сначала священникъ говорилъ поученія на эту тему; затѣмъ, подготовивъ почву, предложилъ прихожанамъ: въ церкви стоять по древнему христіанскому обычаю—мужчинамъ на одной сторонѣ, женщинамъ—на другой; дѣтей пропускать впередъ къ амвону; во кресту и евангелію подходитъ сначала дѣтямъ, потомъ женщинамъ и наконецъ мужчинамъ. Порядокъ скоро установился; сами прихожане поддерживали порядокъ, стараясь соблюдать его также при исповѣди, причащеніи, водоосвященіи. Когда этому священнику пришлось перейти на но-

вое мѣсто служенія, съ городскимъ строемъ жизни, онъ и въ новомъ приходѣ ввелъ тѣ-же порядки, опираясь на содѣйствіе прихожанъ. („Изв. по Спб. епархія“).

Оживленіе богословской мысли. — Въ „Орловск. Еп. Вѣд.“ (1904 г. № 33) въ статьѣ „Исканіе Бога“, между прочимъ отмѣчается фактъ оживленія богословской мысли въ послѣднее время. — „Въ нашемъ богословіи, читаемъ тамъ, въ послѣднее время замѣчается небывалое еще оживленіе, свидѣтельствующее о чуткости его представителей. Во всѣхъ богословскихъ журналахъ одна за другою появляются статьи, въ которыхъ обстоятельно разсматриваются и рѣшаются злободневные вопросы, выдвинутые запросами интеллигенціи. Имена епископовъ Антонія (Волынскаго), Сергія (Ректора Петерб. Акад.), профессоровъ Тарѣева, Несмѣлова, Свѣтлова, іеромонаха Михаила получили широкую и почетную извѣстность даже въ свѣтскомъ обществѣ. Этотъ фактъ въ высшей степени отраднѣй. Интеллигенція, слѣдовательно, не остается безъ отвѣта на свои чаянія и запросы. Можно надѣяться на то, рано или поздно представители богословія и представители интеллигенціи поймутъ другъ друга и достигнутъ желательнаго идейнаго объединенія... Теперь среди интеллигенціи нѣтъ прежняго духовнаго самодовольства, а идетъ броженіе, исканіе вѣры, борьба стараго съ новымъ... И дай Богъ, чтобы идущіе по новымъ путямъ скорѣе перешли на тотъ вѣчный путь, который есть вмѣстѣ и истина и животъ“.

О церковномъ чтеніи. — Въ „Гродн. Еп. Вѣд.“ напечатана цѣлая статья „о церковномъ чтеніи“, въ которой, между прочимъ, читаемъ: „Первая степень хорошаго церковнаго чтенія состоитъ въ правильности, т. е. въ такомъ произношеніи словъ, какое требуется церковно-славянскою рѣчью, не допускающей тѣхъ видоизмѣненій, какія бываютъ при произношеніи русской

рѣчи; тамъ нерѣдко *e* переходитъ въ *ё*, а въ *o* и наоборотъ, такъ что „его“ нельзя замѣнить „ево“, „помилуй“ — „памилуй“. Непростительно даже смѣшивать „нижѣ“ (и не) съ нѣже (русск. слово, не употр. въ слав.), „горѣ“ съ „гòре“. Далѣе правильностью требуется, чтобы такія славянскія слова какъ напр. *й* (ихъ), не произносились за союзъ *и*. Понятно, что знаки препинанія тоже должны быть строго соблюдаемы, при чемъ для запятой можетъ быть удѣляемо время въ одинъ тактъ, для двоеточія въ два такта, для точки въ три, а когда ею оканчивается особое чтеніе (псаломъ) — четыре и болѣе, такъ какъ при окончаніи, для означенія необходимости пѣть или сказывать эктению должно еще сдѣлать нѣкоторое удлиненіе послѣднихъ звуковъ чтенія, что придаетъ особый характеръ чтенію, который и вездѣ долженъ быть нѣсколько *пѣвучимъ*, а вмѣстѣ съ тѣмъ и *неторопливымъ*.

Неспѣшность чтенія есть одно изъ первыхъ условій правилнаго чтенія. Неспѣшность требуется какъ механикою чтенія, такъ и способностью воспріятія произносимаго и многими другими обстоятельствами.

Первое предупрежденіе противъ перебитости языка — это чтеніе не навзусь, а по книгѣ, какъ бы по складамъ и пѣвучее.

Пѣвучимъ, а не разговорнымъ или речитативнымъ, должно быть потому, что этого требуетъ общій тонъ церковнаго богослуженія. Общность тона (тональность) требуетъ и того, чтобы чтеніе было одинаково громко и тихо, сообразно съ числомъ молящихся и мѣстомъ чтенія, ибо понятно, что чтеніе для двухъ лицъ не можетъ быть такое же, какъ и для тысячи, гдѣ требуется наибольшее усиліе голоса. Однако, никакимъ стеченіемъ народнымъ нельзя оправдать того выкрикиванія конечныхъ словъ апост. чтеній, которое практикуютъ нѣкоторые дерзкіе чтецы. Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не замѣтить, что великимъ постомъ и особенно на похоронахъ долженъ поддерживаться иной тонъ, нежели за великопраздничными чтеніями. — Вообще же церковное чтеніе всегда должно быть въ границѣ среднихъ тоновъ.

Вторая степень лучшаго чтенія есть чтеніе *толковое*, когда чтець читаетъ, разумѣя, что читаетъ, и такъ осмысленно читаетъ, что даетъ возможность понимать читаемое и слышащимъ. Здѣсь особенное значеніе имѣетъ такъ называемое *логическое* удареніе на главной мысли или чувствѣ, изображаемомъ въ читаемомъ. При чтеніи толковомъ всякій оттѣнокъ мыслей и чувствъ выражается соотвѣтствующимъ тономъ голоса, но особенно своеобразный тонъ придается тѣмъ словамъ, въ которыхъ заключаются главныя мысли и чувства. Глубокая печаль, торжественная радость, величественное славословіе, — все это должно находить въ голосѣ читающаго свое особое выраженіе.

Церковь есть училище благочестія для малыхъ и совершенныхъ. Посему требованіе отъ церковныхъ чтецовъ чтенія толковаго есть требованіе насущное. Еще ап. Павелъ говорилъ, что лучше сказать нѣсколько словъ съ пониманіемъ, нежели тысячи безъ пониманія. — Теоретическая подготовка къ толковому церковному чтенію должна обнимать разное знакомство со всѣми предметами, входящими въ составъ церковнаго чтенія, особенно же съ книгою Псалтирь, такъ какъ почти на каждой службѣ читается нѣсколько псалмовъ. Можно сказать даже, что вся Псалтирь каждымъ чтецомъ должна быть пройдена съ возможными для его возраста и пониманія толкованіемъ, начиная съ перевода словъ и оканчивая усвоеніемъ содержанія всего псалма. Такіе псалмы, какъ 50 и 30 должны быть изучены и наизусть, равно какъ и молитвы, постоянно употребляющіяся, какъ напр., „Иже на всякое время“... Незнаніе ихъ такъ же не извинительно, какъ и незнаніе рѣдко встрѣчающихся и такъ сказать необычайныхъ словъ напр., — котва (якорь), іеродіево (аиста) жилище, нырище (развалина), неясуть (пеликанъ) и т. п. Еще непростительнѣе многія славянскія рѣченія понимать по-русски (напр., выну — всегда, въ смыслѣ глагола вынимать).

Чтенія паремій, каноновъ и т. под. переменныхъ чтеній представляютъ еще большія трудности, а потому и изученіе

ихъ должно быть болѣе тщательно. Практически можно подготавливаться ко всякому чтенію, чтобы оно было толковымъ, хотя бы чтеніе это было и знакомое, ибо для произношенія въ слухъ многихъ должны быть особыя приемы, которыхъ могъ не держаться прочитывающій для себя. Для навыковъ чтенію толковому необходимо многократное прочтеніе того, что должно читаться, и притомъ прочтеніе съ глубокою вдумчивостью въ содержаніе чтенія.

Третью степень болѣе совершеннаго чтенія составляетъ чтеніе *умилительное*, которое состоитъ въ томъ, что чтець читаетъ съ духовною настроенностью сердца и производитъ душеспасительное дѣйствіе на слушателей. Читанное должно быть мило, пріятно самому чтецу. Онъ долженъ, такъ сказать, самъ переживать и переживать тѣ чувства, которыя должны быть внушаемы чтеніемъ и, переживши ихъ, чрезъ свое умилительное чтеніе передать его слушателямъ. Тутъ не столько важенъ талантъ, сколько живая сердечность и вообще духовная настроенность, какъ благодатный даръ (помазанія) должна быть всегда присуща чтецу.

При чтеніи поучительныхъ и назидательныхъ чтеній чтець является какъ бы благовѣстникомъ и проповѣдникомъ церковнымъ, посему во многомъ онъ можетъ руководствоваться здѣсь тѣми правилами и совѣтами, которые предписываются наукою о проповѣдничествѣ (гомилетикою). А когда чтець выступаетъ, какъ молитвенникъ, отъ лица предстоящихъ, то онъ является какъ бы предстоятелемъ или священнослужителемъ церковнымъ, а потому онъ долженъ руководиться всѣми тѣми высокими правилами, которыя внушаются пастырямъ Церкви для ихъ спасительнаго воздѣйствія на ввѣренныхъ ихъ помощи и руководству въ дѣлѣ спасенія.

Св. Церковь наша, стараясь приготовить чтецовъ въ достодолжному служенію ихъ, такъ увѣщаетъ cadaго изъ нихъ, чрезъ епископа, при посвященіи въ стихарь: „Чадо, первая степень священства есть степень чтеца. Поэтому тебѣ слѣдуетъ ежедневно читать божественныя писанія, чтобы слушаю-

щіе, видя это, восприняли бы это къ созиданію ихъ спасенія и тебѣ самому дана была бы большая степенъ, и никоимъ образомъ ты не постыжалъ бы жребія избранія твоего, и живя цѣломудренно, свято и праведно, ты сподобился бы наибольшаго сужденія во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, Ему же слава во вѣки вѣковъ“.

Х Р О Н И К А.

Архіерейскія служенія.—30 января, въ воскресенье, Божественную литургію Его Преосвященство, Преосвященнѣйшій Филаретъ, Епископъ Вятскій и Слободской, совершалъ въ Крестовой церкви Архіерейскаго дома.

— 2 февраля, праздникъ Срѣтенія Господня, Божественную литургію Преосвященнѣйшій Филаретъ совершалъ въ Срѣтенской (Пятницкой) церкви г. Вятки. Послѣ литургіи совершено было молебствіе. Храмъ былъ переполненъ молящимися.—

— 6 февраля, воскресенье, Божественную литургію Преосвященнѣйшій Филаретъ совершалъ въ Крестовой церкви.

— 9 февраля, среда, столѣтіе со дня открытія мощей Святителя Иннокентія Иркутскаго, Божественную литургію Владыка Филаретъ совершалъ въ Крестовой церкви.

Панихида по Великому Князю Сергіи Александровичу.— Въ субботу, 5 февраля, въ три часа дня, въ Каѳедральномъ соборѣ была совершена Преосвященнѣйшимъ Филаретомъ, въ сослуженіи всего духовенства г. Вятки, панихида по Великому Князю Сергіи Александровичу. На панихидѣ присутствовали представители всѣхъ вѣдомствъ и учрежденій, г.г. военные и гражданскіе чины, купечество и другія сословія. Соборъ былъ переполненъ молящимися. Передъ началомъ панихиды Владыка произнесъ прочувствованную рѣчь.—

Архипастырскія посѣщенія духовно-учебныхъ заведеній.— 28 января Преосвященнѣйшій Филаретъ посѣтилъ Вятское Ду-

ховное училище. Владыка былъ на урокахъ латинскаго (3 кл.) и русскаго (4 кл.) языковъ.—3 февраля, во время вечернихъ занятій, Его Преосвященство посѣтилъ Духовную семинарію.—

Пріѣздъ Начальника губерніи.—7 февраля въ Вятку прибылъ г. Вятскій губернаторъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Александръ Георгіевичъ Левченко.

Собесѣдованія съ именуемыми старообрядцами.—По благословенію Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Филарета, Епископа Вятскаго и Слободскаго, въ февралѣ, мартѣ и апрѣлѣ мѣсяцахъ сего года въ г. Вяткѣ имѣютъ быть собесѣдованія съ именуемыми старообрядцами по слѣдующей программѣ:

13 февраля. Недѣля о блудномъ сынѣ. О таинствѣ причащенія и въ частности о томъ, могутъ-ли добрыя дѣла: постъ, молитва и милостыня замѣнить таинство причащенія.

20 февраля. Недѣля мясопустная. Законно-ли было отдѣленіе предковъ старообрядцевъ отъ Греко-Россійской церкви при патріархѣ Никонѣ и законно-ли отчужденіе отъ нея современныхъ старообрядцевъ.

6 марта. Торжество православія. Объ иконопочитаніи и о томъ, правильно-ли относятся старообрядцы къ иконопочитанію и къ вопросу о сообщеніи съ еретиками и невѣрными.

13 марта. 2 недѣля Великаго поста. Представляютъ-ли собою безпоповцы Христову церковь, внѣ которой нѣтъ спасенія.

20 марта. 3 недѣля Великаго поста—крестопоклонная. О крестѣ и въ частности о томъ, правы-ли старообрядцы при почитаніи восьмиконечнаго креста, отрицая почитаніе четвероконечнаго.

27 марта. 4 недѣля Великаго поста. Есть-ли основаніе въ Священномъ Писаніи и въ Священномъ Преданіи довольствоваться однимъ крещеніемъ безъ таинства миропомазанія, и учить о бракѣ такъ, какъ учатъ безпоповцы.

3 апрѣля. 5 недѣля Великаго поста. Справедливо-ли учатъ безпоповцы о томъ, что въ Греко-Россійской церкви нынѣ царствуетъ послѣдній антихристъ самолично.

Вѣсти изъ Срѣтенска.—Изъ Срѣтенска отъ старшаго врача Вятскаго лазарета П. М. Дементьева получена 2 февраля слѣдующая телеграмма: „Въ Вятскій лазаретъ 2 февраля прибыло 147 больныхъ и раненыхъ въ послѣднихъ бояхъ нижнихъ чиновъ“. Состоить въ лазаретѣ 2 офицера и 348 нижнихъ чиновъ.

Изъ г. Яранска.—27 января исполнилось 25 лѣтъ духовно-училищной службы учителя Яранскаго духовнаго училища Евлампія Неофитовича Стефанова.

29-го января праздновался 50-ти лѣтній юбилей псаломщика села Ныра, Яранскаго уѣзда, Капитона Θεодоровича Зубарева.

5-го февраля исполнилось 50 лѣтъ служенія въ священномъ санѣ протоіерея с. Пиштани, Яран. у., о. Александра Аѳанасьевича Дернова,

Отчетъ церковно-приходскаго попечительства при церкви села Вятскаго, Яранскаго уѣзда, за 1904 годъ.

Приходъ: Остатокъ отъ 1903 года—17 руб. 53 коп. наличными и 4% Госуд. рента въ 100 руб.

Въ 1904 г. продано соломы на 7 руб. 7 коп. и алебаstra на 6 руб 22 коп.; получено съ прихода на отопленіе церкви и квартиры просфорницы—73 руб. 28 коп.; продано ржи 747 пуд. 15 фун. отъ 49 до 54 коп. на 385 руб. 54 коп. и овса 65 пуд. и 61¹/₂, на 39 руб. 98 коп.; высыпано изъ кружки попечительства за покосъ кладбища 1 руб. и за аренду лавокъ 4 руб. 64 коп.; процентовъ на 400 руб. за 6 мѣсяцевъ по книжкѣ сберегательной кассы 7 руб. 20 коп. и на 100 руб. съ ренты 3 руб. 80 коп., а всего 545 руб. 63 коп.

На лицо: овса 49 пуд. и въ снопахъ 81 пудъ и 130 пуд. по 31 коп.—40 руб. 30 коп. и ржи 60 пуд. по 49 коп. на 29 руб. 40 коп., всего 69 руб. 70 коп.

Балансъ—732 руб. 87 коп.

Расходъ: Посылка за докторомъ и лекарствами для просфорницы 1 руб.; церковнику Димитрію Егорову (слѣпцу) въ

годъ 9 руб.; пожертвовано на Красный Крестъ 11 руб.; окраска половъ и передѣлка печей въ квартирѣ священника 25 руб. 97 коп.; передѣлка печей въ церкви 25 руб. 40 коп.; чистка церковной площади 1 руб. 65 коп.; ремонтъ ограды на кладбищѣ 35 коп.; Степану Егорову Зотову въ счетъ посадки живой изгороди 22 руб. 40 коп.; ремонтъ лавокъ и покупка жердей 1 руб. 20 коп.; отопленіе церкви и квартиры просфорницы 37 руб. 34 коп., а всего въ расходѣ 135 руб. 31 коп.

На лицо: 4% Госуд. рента въ 100 руб.; вложено по книжкѣ сберегательной кассы за № 4, 377 Царевококшайскаго казначейства 407 руб. 20 коп.; овса и ржи на 69 руб. 70 коп.; наличными у кассира попечительства Н. И. Фалалѣева 20 руб. 66 коп., а всего 597 руб. 56 коп.

Балансъ 732 руб. 87 коп.

За истекшій годъ попечительство израсходовало на ремонтъ церкви и церковныхъ домовъ всего 51 руб., а въ 1905 году имѣются въ виду болѣе значительные расходы, уже утвержденные попечительствомъ, какъ-то: на ремонтъ каменной паперти и крыши на церкви, на окраску всей церкви масляной красной снаружи, а внутри церкви клеевой (цвѣтъ краски по желанію прихожанъ). Изъ ассигнованныхъ попечительствомъ 100 руб. на нужды больныхъ и раненыхъ воиновъ въ минувшемъ году попечительство не произвело никакого расхода, такъ какъ онъ пока еще не вызванъ былъ потребностью. Таковой расходъ, несомнѣнно, потребуетъ въ 1905 году.

Чтобы предоставить непрерывный, хотя и скромный доходъ церкви села Вятскаго, попечительство пожертвовало въ пользу церкви лавки, пять номеровъ, выстроенныя имъ на церковной площади, съ тѣмъ, чтобы доходъ съ поименованныхъ лавокъ поступалъ исключительно на украшеніе мѣстнаго храма.

Въ истекшемъ году попечительствомъ пожертвованы Красному Кресту слѣдующія вещи: 4 полушубка овчинныхъ, 7 паръ валенокъ, 21 рубашка, 41 кальсоны, 31 пара рукавицъ, 9 паръ носковъ и 72 аршина холста. Всѣ эти вещи сданы предсѣдателемъ попечительства, г. Сулопаровымъ, подъ квитанцію № 57 Вятскому Дамскому Кружку для отсылки въ дѣйствующую армію на Дальній Востокъ.

По составленіи настоящаго отчета предсѣдатель попечительства г. Суслонаровъ сказалъ слѣдующее: заканчивая третій отчетный годъ, а также три года и службы моей, я, господа попечители, желаю вамъ продолжать дальнѣйшую полезную дѣятельность, на пользу церкви и прихода, но продолжать таковую уже безъ меня, такъ какъ я не имѣю достаточно свободнаго времени, чтобы часто пріѣзжать въ село Вятское для совмѣстной работы по попечительству. Я откажусь отъ выборовъ меня въ предсѣдатели на дальнѣйшій срокъ, но всегда буду интересоваться вашей дѣятельностью и готовъ буду помочь своими совѣтами и посильнымъ пожертвованіемъ на доброе дѣло.

Не могу не замѣтить съ сожалѣніемъ, что мы, за минувшіе три года, не принимали надлежащаго участія въ нуждахъ прихода, какъ-то: не обращали вниманія на больныхъ и бѣдныхъ прихожанъ, напр., при погребеніи ими родныхъ и оставляли безъ всякой помощи бѣдныхъ учениковъ мѣстной школы. Такимъ образомъ, мы не выполнили всего, что возложено на попечительство 5-й ст. положенія о церковно-прих. попечит. пункт. 5 и 6-мъ. Только дружной и открытой работой попечителей можно вызвать въ прихожанахъ сердечныя и взаимно-добрыя отношенія, которыя, несомнѣнно, послужатъ къ истинной пользѣ прихода. Когда приходилось мнѣ возбуждать вопросы о выше высказанныхъ нуждахъ, то я замѣчалъ полное равнодушіе въ нѣкоторыхъ членахъ попечительства, а также и въ прихожанахъ, не привыкшихъ относиться сердечно-братски къ взаимной помощи. Припомните, какъ въ одномъ изъ засѣданій попечительства я указывалъ на необходимость ассигнованія 100 руб. на нужды больныхъ, раненыхъ и разоренныхъ войною семействъ въ вашемъ приходѣ. Теперь эта нужда приближается и потребность ея для васъ очевидна.

При единодушной дѣятельности попечительства вы достигнете желаемыхъ результатовъ на пользу церкви и прихода. По возможности слѣдуетъ не только соединять всѣхъ дѣятелей прихода въ одно цѣлое, но и не допускать разныхъ дробленій и безконтрольных сборовъ съ прихода, которыми бы завѣдывали другія лица, кромѣ попечителей, такъ какъ при такомъ порядкѣ, несомнѣнно, можетъ получиться расколъ между прихожанами.

Теперь на очереди у насъ вопросъ о постройкѣ новаго каменнаго храма. Можно надѣяться, что приходъ нашъ къ постройкѣ каменной церкви отнесется сочувственно; и теперь-же начнутъ поступать пожертвованія на усиленіе средствъ попечительства. Сочувствіе прихода къ дѣятельности попечительства видно изъ того, что 2½ года тому назадъ нами было принято отъ состава прежняго попечительства всего 3 руб. 54 коп., а теперь мы имѣемъ наличными около 600 руб. сверхъ израсходованныхъ суммъ на пользу прихода.

Итакъ, отъ души желаю вамъ, попечители, успѣха въ дальнѣйшемъ развитіи попечительства и добрыхъ отношеній въ приходѣ“.

О ВЪ Я В Л Е Н І Я

Вышла и разослана подписчикамъ 1—2 книжка

Православно-Русскаго Слова.

СОДЕРЖАНІЕ: Тучи язычества внѣшняго и внутренняго. Стефанъ, епископъ Могилевскій.—1904-ый годъ. А. Н.—Смутная недѣля въ Петербургѣ. А. Н.—Въ поискахъ устоевъ. В. Ф.—Просвѣтленіе. (Разсказъ). А. Платонова.—Ищущіе просвѣщенія и просвѣтители. С. Бронницкій.—По вопросу о воспитаніи въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. (О воспитательномъ значеніи въ семинаріи духовника). А. Абраменковъ.—Правомѣрность духовно-просвѣтительной системы. И. Некрасовъ — Новѣйшія открытія въ Египтѣ и значеніе ихъ въ области библейской науки. Н. Розановъ.—Винникамъ кровопролитья. В. Ермоловъ.—Вѣрнымъ сынамъ земли Русской. В. Ермолова.—Изъ твореній св. отцевъ и учителей церкви. Основные пункты сотеорологическихъ воз-

зрѣній св. Аѳанасія Александрійскаго. Е. Дьяконовъ.—Изъ свѣтской печати. „Вѣрующій Лондонъ“—сектантство и секты въ Англіи.—Русское сектантство—шалопуты: ихъ вѣрованія, богослуженіе и жизнь—Аѳонъ, Салоники, Македонія А.—Голосъ православнаго пастыря по поводу нынѣшней свободы печати.—Библиографія. Н. М. Соколовъ, „Объ идеяхъ и идеалахъ интеллигенціи“.—Библія въ картинахъ знаменитыхъ мастеровъ. Свящ. І. Филевскій.—Извѣстія и замѣтки. Хроника текущихъ событій.—Первое публичное собраніе „Христіанскаго Содружества учащейся молодежи“.—Христіанское Содружество учащейся молодежи въ осеннемъ полугодіи 1904 года.—Сообщеніе протоіерея Кронштадтскаго собора Іоанна Ильича Сергіева.

Журналъ издается „Обществомъ распространенія религиозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ Православной Церкви“ и имѣетъ цѣлью служить религиозно-нравственному просвѣщенію и защитѣ православной истины отъ враждебныхъ къ ней отношеній. 20 кн. въ годъ отъ 5—7 л. каждая.

Подписчики 1905 года получаютъ бесплатнымъ приложеніемъ четыре большихъ тома (ок. 400 стр. каждый)

сочиненій О. Іоанна Ильича Сергіева (Кронштадтскаго)

1 и 2) „Моя жизнь во Христѣ“, 3) Мысли о богослуженіи и 4) „Путь къ Богу“.

Подписная цѣна на журналъ съ приложеніями 6 рублей.

Адресъ редакціи и конторы: С.-Петербургъ, Стремянная, 20.

СПЕЦІАЛЬНЫЙ МАГАЗИНЪ ЦЕРКОВНОЙ УТВЯРИ

Михаила Ивановича Коробова

Въ г. Вяткѣ, Спасская улица, домъ А. И. Силина.

Магазинъ имѣетъ всегда въ большомъ выборѣ церковныя серебряныя и апликавыя вещи:

иконы, плащаницы выносныя и напрестольныя, сосуды съ приборами, евангелія, кресты напрестольныя и водосвятныя, кадила, дароносицы, хоругви, вѣнцы, подсвѣчники, паникадила, чаши водосвятныя, купели, блюда, фонари походныя, кресты запрестольныя, воздухи.

Готовыя священническія и діаконскія облаченія и другіе многіе предметы.

На всѣ товары цѣны самыя умѣренныя.

Прейсь-курранты высылаются бесплатно.

Зуболѣчебный кабинетъ

Д. Л. Арансона.

Лѣченіе, пломбированіе и вставленіе искусственныхъ зубовъ; искусственная эмаль.

Вятка, Спасская улица, домъ г. Свенторжецкаго.

Пріемъ больныхъ съ 9 час. утра и до 7 вечера.

ВНОВЬ ОТКРЫТЫЙ
МЕБЕЛЬНЫЙ МАГАЗИНЪ
КРЕДИТНАГО ТОВАРИЩЕСТВА
ВЯТСКИХЪ КУСТАРЕЙ
предлагаетъ вниманію публики

стулья, столы ломберные и письменные, комоды, кресла, шкафы книжные, буфеты, гардеробы и проч.; мягкую пружинную мебель; кровати желѣзныя, матрацы, сундуки, корзины, каповыя и корешковыя издѣлія: чайницы и сахарницы, шкатулочки, портсигары, портвизиты и проч.

Исполняются заказы по рисункамъ.

Магазинъ открытъ ежедневно съ 8 часовъ утра до 7 веч., по праздникамъ съ 11 до 4-хъ.

Вятка. На углу Николаевской и Набережной ул., домъ провизора Щуко, рядомъ съ аптекарскимъ магазиномъ.

ПРОДАЖА МЕБЕЛИ И ДРУГИХЪ ИЗДѢЛІЙ.
ВЯТСКОЕ КРЕДИТНОЕ ТОВАРИЩЕСТВО.

ПРИЕМЪ ВКЛАДОВЪ И ВЫДАЧА ССУДЪ.

СОДЕРЖАНІЕ:—На богомолье къ преподобному о. Серафиму.
(Продолженіе).—Блудный сынъ.—Христорожественскій женскій
монастырь въ г. Слободскомъ. (Продолженіе).—Безгрѣшные люди.
—Разныя извѣстія.—Хроника.—Объявленія.

Редакторы { *Н. Гусевъ.*
А. Рукинъ.

Дозв. цензур. Вятка 18 февраля 1905 г. Ценз. Прот. *Н. Кувшинскій,*

„Вятскія Епархіальныя Вѣдомости“ выходятъ два раза въ мѣсяць — 1 и 16-го числа. Цѣна годовому изданію въ Редакціи 5 руб., а съ доставкою на домъ въ г. Вяткѣ и пересылкою въ другія мѣста 6 руб. За печатаніе объявленій въ одномъ номерѣ—за каждую строку 15 коп., а въ нѣсколькихъ номерахъ по 10 коп. Цѣна каждаго отдѣльнаго номера 30 коп. Подписка принимается въ квартирѣ редактора, преподавателя Епархіальнаго Училища Николая Гусева. (Уголь Царевской и Орловской ул., д. Рослякова).
